

Ренат Янышев

18+

В гостях
у Снежной Королевы

Ренат Янышев

В гостях у Снежной Королевы

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Янышев Р.

В гостях у Снежной Королевы / Р. Янышев — «ЛитРес: Самиздат», 2010

«Психолог – это не профессия, и даже не образ жизни; психолог – это диагноз». Поэтому, когда исчез муж главной героини, она сразу же заподозрила его самого в организации «лжепохищения». И отнеслась к происходящему соответственно...

Содержание

ПРОЛОГ	6
ГЛАВА 1	12
ГЛАВА 2	17
ГЛАВА 3	26
ГЛАВА 4	32
ГЛАВА 5	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

В ГОСТЯХ У СНЕЖНОЙ КОРОЛЕВЫ

ПРОЛОГ

Ровно в три часа дня я подъехала к спортивному магазину на условленную встречу. Витя Чистяков уже прохаживался перед входом и, завидя мою машину, приветливо помахал рукой. Четыре месяца тому назад, оказавшись объектом моих исследований, он спокойно отзывался на прозвище Клещ, и в мечтах своих отличался крайним примитивизмом. С тех пор круг его интересов, потребностей и желаний значительно расширился. Он начал активно восполнять пробелы в познаниях с репетиторами, чтобы получить аттестат о среднем образовании, и занял, по моей протекции, внезапно освободившееся место директора в туристической фирме «Палладин», где принялся энергично развивать совместный российско-американский проект под патронажем профессора из Питтсбургского университета. И даже (я сама случайно услышала, когда была у него в офисе), настаивал, чтобы его называли исключительно Виктором Сергеевичем.

Интересно, до какой степени строгий деловой костюм преобразует человека. Конечно, и в речи и в повадках у Вити проскальзывали криминальные замашки и пробелы в образовании (родимые пятна проклятого прошлого), но это вопрос времени. Вот только сломанные уши никуда не спрятать, ну да ладно, не красна девица!

Всё-таки я правильно оценила высокие адаптивные способности Чистякова, позволившие ему быстро интегрироваться в иную социальную среду. Однако он сам считал, что его перемещение в директорское кресло – это целиком и полностью моя заслуга; и потому с некоторых пор присвоил мне статус доброй феи.

– Валерия Михайловна! – сделал Витя неуклюжую попытку поцеловать мою руку (это он явно подглядел у Константина Эдуардовича). – С наступающим Новым годом!

– Спасибо, взаимно! – улыбнулась я в ответ и направилась вслед за ним в оазис спорта и здорового образа жизни.

Видимо, Витя уже предупредил персонал о нашем визите, потому что сразу два сотрудника окружили меня заботой и вниманием. Как это приятно. И пусть это всего лишь их работа, но они выполняли её столь профессионально, что будь моя воля, я бы посещала этот магазин хоть каждый день.

Передо мной закружились в разноцветном хороводе новейшие изыскания пытливой мысли человеческой, красноречиво свидетельствуя, что нет предела совершенству. А какие названия! Когда в воздухе звучало:

– Мы бы вам посоветовали «Саломон», но сейчас, к сожалению, у нас нет женских моделей... Можете обратить внимание на «Россиньол», хотя к вашим зелёным глазам лучше бы другие цвета... Тогда вот есть «Фишер». Ах, вы начинающая? Только для вас, исключительно... Сразу в комплекте. «Атомик». Усиленный кант, новейшие крепления. Эти лыжи прощают большинство ошибок, которые делают новички на склонах...

Я прямо-таки ощущала себя где-нибудь в Швейцарии. А когда передо мной возникли изумрудного цвета лыжи, я поняла – моё! Но только принялась благодарить Витю за столь роскошный подарок, как он меня остановил:

– Нет, нет! Валерия Михайловна! Это не вечер! Пацаны, с которыми вы работали, велели передать, чтобы вы себе и прикид подходящий подобрали. Они вам тоже на подарок скинулись. А то лыжи по фирме, а куртка – китайская? Нет! В Новый год – по полной программе.

Ну что ж, по полной так по полной! Я не стала кокетничать, заставляя себя упрашивать, и приступила ко второй фазе шопинга – подборке сопутствующей экипировки. Но если в лыжах и креплениях я не понимала ничегошеньки и поневоле доверилась мнению продавцов, то в выборе одежды заняла более активную позицию. Где-то через полчаса, я остановилась на шикарном куртке и брюках (зелёное с серым). Тёплые-тёплые, лёгкие-лёгкие. А, главное,

пошиты так, будто лекала с меня делали. К тому же в честь Нового года фирма сделала мне подарок в виде перчаток и очков. А потом я увидела стенд с шапочками и шарфами всевозможнейших расцветок...

В итоге я покидала магазин с чувством глубочайшего удовлетворения. Витя, помогая мне донести до машины покупки, прямо-таки лучился от счастья, что сумел угодить.

– Блин, надо будет и мне зимним спортом заняться, – поделился он со мной на прощание осенившей его идеей. – Куплю, наверное, снегоход. Точно, так и сделаю.

Я поблагодарила его за подарок и отправилась домой, где меня уже дожидался Верницкий. Сотрудников его института отправили на рождественские каникулы, и он уже два дня бездельничал дома.

– Ну и что тебе твои уголовнички подарили? – несколько агрессивно встретил меня Сергей.

Никак мой благоверный не может смириться с тем, что я стала поддерживать неформальные отношения с Мишей Черкасовым, в криминальных кругах более известным как Циклоп. Но что поделать? В течение двух последних лет это был мой самый, говоря откровенно, денежный клиент. А этой весной он мне помог с приобретением машины, затем я ему поспособствовала в одном деле, потом опять он мне. Все закрутилось по принципу – долг платежом красен. В конце концов, я окончательно запуталась, кто кому должен и, смирившись, перешла на дружеские отношения. К тому же я познакомилась с его правой рукой – Константином Эдуардовичем и не хотела бы, чтобы это знакомство вдруг оборвалось!

А с сентября я приступила к консультациям некоторых членов Мишиной корпорации (в числе которых значился и Витя Чистяков). Это принесло обоюдную выгоду. Мне – дополнительный и весьма ощутимый приработок к довольно скромной зарплате преподавателя психологии, Мише – психологические портреты ряда его сотрудников и рекомендации прикладного характера.

– Сколько раз тебе повторять, для меня они не уголовники, а клиенты, – спокойно ответила я, раздеваясь, – и, если они сочли возможным отблагодарить меня, то я не собираюсь препятствовать им в этом благородном начинании. Человек начинается там, где вместо озлобленности ему удаётся проявить великодушие и щедрость. Когда поступок позволяет ему увидеть самого себя в выигрышном свете. «И долго буду тем любезен я народу, что чувства добрые в нем пробуждал», кажется так у Пушкина? Вот это про меня. Точь-в-точь. Кстати, неплохо бы и тебе проявить добрые чувства, вместо того чтобы ворчать не по делу. А пока посиди на кухне, и не подглядывай.

С этими словами я вытолкала Сергея из гостиной и стала переодеваться. Пришлось полностью облачиться в костюм, не забыв шапочку, шарфик, очки и перчатки. Затем мне удалось самостоятельно влезть в ботинки и встать на лыжи (как меня научили в магазине). Глухо щёлкнули крепления и я, горделиво подперев бока палками, позвала супруга.

Видимо, впечатление я произвела, поскольку у Верницкого даже левая бровь самопроизвольно поднялась. Он обошёл меня кругом, потрогал ткань на рукаве и одобрительно присвистнул:

– Неплохо! Неплохо! Хоть сейчас на обложку журнала «Спортивная жизнь». И сколько вся амуниция потянула?

– Ну, какая тебе разница? – попробовала я отмахнуться, но натолкнулась на помрачневший взгляд супруга. – Да так, все на все, со скидками, тысяча двести евро.

– Что? – вскричал как ошпаренный Верницкий и забегал по комнате. – Да мне за такую сумму полгода пахать в институте, как ишаку. Ты хоть понимаешь, что они тебя такими подарками просто развращают! Как ты могла принять это? Знаешь что?

Тут он остановился напротив меня и стал хватать ртом воздух, набираясь решимости:

– Знаешь что? Ты должна все это вернуть! Пока чеки на руках! Верни все в магазин и отдай им их грязные деньги!

– Серёженька! – попробовала я усюестить разбушевавшегося борца за моральные принципы. – Не отдам! К твоему сведению, Чистяков эти деньги заработал, уже директорствуя в «Палладине». Так что они вполне чистые. А кричишь ты исключительно из-за того, что никак не можешь смириться с тем, что на меня обращают внимание другие мужчины.

– Что? – остановился Верницкий, передёрнул плечами и отвернулся от меня, уставившись в окно. – Ты хочешь сказать, что я ревную? Как же! Я что тебе мальчик что ли, ревновать? Ха! Очень надо. Мне просто не нравится, что ты с ними общаешься.

– Ну, так подбери мне другую кампанию. А лучше, начни зарабатывать столько, чтобы я могла посвятить весь свой досуг тебе, любимому, а не зарабатыванию денег.

– Да ну тебя, – вконец расстроился супруг, – вечно на одно и то же сворачиваешь. Далась тебе деньги. Деньги! Можно подумать, у тебя в голове только одна мысль осталась!

Я тяжело вздохнула и только сейчас заметила, что глупейшим образом продолжаю стоять в костюме и ботинках. Тогда я попыталась повернуться, чтобы отсоединить крепления и завалилась на диван. Оставаясь в сидячем положении, я скинула куртку и спросила:

– А ты знаешь способ, как бесплатно отправиться на горнолыжный курорт? Между прочим, это целиком твоя идея. Только в отличие от меня ты не только не думаешь о том, как ее осуществить, но даже не чешешься. Предоставив решать это мне! Ладно, хватит ссориться, лучше помоги снять доспехи.

Уже поздно вечером, когда мы легли спать, задумчивый супруг задал вопрос:

– А когда мы поедем мне покупать снаряжение?

– В следующем году, – ответила я и выключила свет...

...Так мы и поступили. Пока не закончились новогодние скидки, за день до Рождества мы направились в уже известный мне центр по обеспечению населения качественным спортивным снаряжением. Сергей здесь был в первый раз и теперь ходил, как по музею, разглядывая предлагаемое великолепие.

Ко мне тут же подлетел знакомый продавец, выражая беспредельную радость, что я ошастливила их заведение повторным визитом. В ответ на его вопросительный взгляд, я коротко кивнула на Верницкого:

– То же, что и мне в прошлый раз. НО! Что-нибудь не маркое, не броское и очень прочное. А главное, в разумных пределах.

– Может сразу, валенки и ватник? – ухмыльнулся продавец.

– Нет, – не стала я поддерживать шутку, – это мой муж.

– Ясно, – поскучнел шутник, – будет исполнено.

И отправился выяснять требуемые размеры. Вскоре мои пожелания воплотились в совершенно достойную, на мой взгляд, экипировку. А главное, что итоговая сумма не превышала восьмисот евро. Но тут внезапно заартачился Сергей и устроил целый спектакль. «Фишер» его, видишь ли, не устраивает, подавай «Россиньол». Карвинг какой-то упомянул. А крепления стал выбирать – я в бутиках по столько времени не провожу. В конце концов, выбрал что-то, но дорожее! Куртка и брюки, что были предложены, ему тоже не понравились. На синтепоне – это вчерашний день, на гагачьем пуху подавай.

Я, онемев от изумления, только покусывала губы, да раздумывала, а может быть плюнуть на все и увести из магазина этого транжиру? Но так и не решилась. В результате подобные колебания обошлись мне (кошмар просто) в тысячу четыреста евро.

– Черт побери! – кипятилась я по дороге домой. – С такими амбициями как у тебя, Верницкий, я не буду успевать зарабатывать.

– А ты бы хотела, чтобы я на твоём фоне выглядел как нищий родственник? – хмыкнул злорадно муженёк. – Зато теперь мы будем смотреться вполне достойной парой.

И тут я вдруг поняла, что все его поведение объяснялось весьма просто. Скандал, который он закатил мне в магазине (опосредованно, через продавца) – это не спонтанная реакция на внешние раздражители, а подсознательная месть в ответ на вызов с моей стороны. Верницкий оказался не в силах переломить создавшуюся ситуацию – запретить зарабатывать он мне не может, но и свой вклад в семейные финансы увеличить не в состоянии. И тогда он решил проявить свою мужественность довольно извращённым способом.

Сие открытие явилось для меня тревожным звоночком. Я уже неоднократно сталкивалась в своей практике с такой ситуацией. Некоторые мужья, чьи жены становились бизнес-леди, при определённых обстоятельствах вдруг смиряться с этим и в буквальном смысле становились содержанцами у своих супругов. Уходили с работы и начинали вести растительный образ жизни, опровергая тезис о том, что «мужик должен быть мужиком». И каких только оправдательных доводов собственной позиции не приводили эти домохозяева. Но в любом случае, отличительной особенностью этого превращения являлась смена, я бы сказала, социально-половых ролей. Эти мужчины начинали с удовольствием посещать магазины, тратить все больше денег, заработанных супругой, отрабатывая таким своеобразным способом появившийся комплекс неполноценности.

Правда я подобного за Сергеем прежде не замечала. Но все когда-то происходит впервые!

– Видишь ли, – отозвалась я, – если прежде я предполагала отправиться куда-нибудь в Европу, то теперь оставшихся на отпуск денег хватит только на Кольский полуостров.

– Но ты же не посвящаешь меня в свою бухгалтерию, – обидчиво возразил супруг. – Надо было заранее поставить меня в известность о размерах предполагаемых трат.

– Просто иногда надо головой думать, – огрызнулась я в ответ и резко затормозила перед домом. – Всё, приехали. Вытаскивай свои покупки...

...Прошло два месяца. Как именно – лучше не вспоминать! Работа, работа и работа. Ни о каких выходных, чтобы выехать за город – потренироваться хоть разок на лыжах, и речи не шло. В институте и так с большим скрипом подписали мне недельный отпуск за свой счёт, привязав его к восьмому марта. Зато Сергея на его работе отпустили без вопросов.

Одна моя подруга перезвонила своей знакомой, живущей в предгорье Хибин, и та согласилась предоставить нам для проживания собственную однокомнатную квартиру. Вопрос с жильём был решён, и я отправилась на вокзал за билетами.

И в понедельник, накануне Великого Женского дня, мы погрузились в мурманский поезд. Хорошо всё-таки иметь мужа. По крайней мере, Верницкий исправно тащил на себе обе пары лыж, и тяжеленный рюкзак с ботинками и одеждой...

...Над пустынными, бескрайними просторами остервенело гонялись друг за другом буйные ветра. Казалось, весь воздух заполнился их разбойничьим посвистом. И несчастные снежинки вместо плавного неспешного кружения метались над равниной в пляске святого Витта. Они бестолково дёргались туда-сюда, повинуюсь воле безумного дирижёра, сталкивались друг с другом, на мгновение касались земли и вновь взмывали в воздух. Все заволочло снежной пеленой. Исчезли небо и земля, остался лишь белый цвет. И только изредка глаз улавливал размытые вьюгой очертания деревьев, да заметённые снегом придорожные постройки.

И я вдруг осознала, что мы попали в другой, в чужой, в иной мир. Здесь начинаешь иначе относиться к расстояниям («Ой, я живу прямо на краю света», – вспомнилась мне жалоба одной моей коллеги, – «мне от метро до дома идти целых двадцать минут»). Здесь суетливость секундных стрелок сменилась протяжным заунывным воем ветра. Воистину, здесь царство Снежной Королевы! Мне пришло в голову, что наверняка Андерсен написал свою сказку под впечатлением такой же невероятной вьюги, когда поневоле преклоняешься перед исполинской мощью природы, и начинаешь её очеловечивать, если не обожествлять.

Мне вдруг вспомнилось, как я в детстве сидела на табуретке у окна, вдавив нос в стекло, и с восторженным ужасом следила за разыгравшейся метелью. А мама читала вслух «Снежную

Королеву». Как я верила в то, что происходило на страницах сказки! Пожалуй, тогда для меня жестокая волшебница была даже более реальной, чем воспитательница в детском саду, хотя воспитательницу я видела каждый день, а Снежную Королеву только на картинке.

Прошло тридцать лет, и я опять была готова поверить в сказку, которая начиналась сразу за окном нашего купе. И потому, в поезде, упрямо мчащемся на север, было тепло и особенно уютно из-за осознания той хрупкой грани, что отделяет нас от разгула стихии. Я вздохнула и вновь прижалась щекой к стеклу, заморожено следя за снежным танцем.

Серёжка дрых по обыкновению на верхней полке и не мешал мне предаваться мечтательно-медитативному безделью. Вагон мягко покачивался с боку на бок, изредка проваливаясь на рессорах вниз и создавалось ощущение, что мы не в поезде, а на корабле, пробирающемся по беспокойному снежному морю.

Мне было хорошо, и все же я испытывала смутное беспокойство, словно чего-то не хватало. Наконец я обнаружила причину дискомфорта.

Отсутствовали привычные звуки. Поезд мчался вперёд, изредка лязгая и громыхая сочленениями, но я не улавливала волшебный ритм путешествия! Господи, ну кому взбрело в голову отнять у нас, пассажиров, возможность вслушиваться в переключку колёс «тук-тук-тук-тук, тук-тук-тук-тук». То затихающую, то усиливающуюся, то замедляющуюся, то ускоряющуюся. Как здорово засыпалось под эту мелодию дальних странствий...

Но тут дверь отъехала в сторону, и в купе с шумом ввалились наши попутчики, вернувшиеся с перекура. Два тридцатилетних коммерсанта невыясненной ориентации (в смысле, в чём же их бизнес заключается). Оба круглолицые, с короткими стрижками и карими глазами, спортивного телосложения (не то, что мой благоверный), в глухих, скандинавского узора свитерах и демократичных джинсах. У одного, назвавшегося Владом, красовалась тоненькая золотая серьга в правом ухе. А Стас обращал на себя внимание модной нынче небритостью. Они уселись друг напротив друга у дверей. Стас, перехватив мой взгляд, подмигнул и вновь обратил взор на своего приятеля, самозабвенно вещающего что-то.

Против воли прислушалась и я.

– ...Замки навороченные, петли опупенные... , пардон, вырвалось, – сделал Влад извинительный жест в мою сторону. – Все дела! И мастер мне на прощание сказал, мудака! Пардон, – повторился рассказчик, теперь уже лишь скосив на меня глаза. – В общем, этот... мастер сказал мне, типа, что «никакой ОМОН» такую дверь с ходу не возьмёт. Накаркал, блин! Короче, в соседней квартире бабка древняя жила. Уж чем-то я ей не понравился. Древняя-то древняя, а ушла. Взяла, да и позвонила в ментовку, что дескать в моей квартире слышала выстрелы. А это мастер у меня крепил карнизы к потолку. Прикинь, да? И менты, значит, отправились реагировать на сигнал. Все как полагается, с оружием, в бронезилетах, намордниках. Ну и чего? Сначала, правда, позвонили, да только я, мастера отпустив, музон погромче включил, а сам под душ встал. В общем, не услышал. Так эти лоси, недолго думая, кувалды притащили, и давай в четыре руки мою дверь курочить. Тут уж я в коридор, само собой, выбежал, ору им: «Прекратите, не надо, сейчас открою!». Да куда там. Я же заказывал к тому же и звукоизоляцию по высшему разряду. Вот и доказывался. Не слышат они меня, хоть тресни. И только «бум-м-м» по двери! «Бум-м-м!» Я ключ скорей достал. Так они же как раз в район замочной скважины лупили. Все погнули, придурки! Замок не открыть!..

Рассказчик сделал драматическую паузу и в поисках сочувствия посмотрел на меня. Пришлось проявить вежливость и поинтересоваться:

– И чем же всё закончилось?

Влад страшно обрадовался моему вопросу и жизнерадостно засмеялся:

– Ха! Известно чем! Когда все же дверь раскурочили, навалили мне выше крыши за то, что не открывал родной милиции! Ничего не нашли и свалили. Блин! Это я уж потом узнал, что меня бабка заложила, а тогда! Ну, бардак, думаю. За что? Ни здрасьте, ни до свиданья!

А за дверь кто платить будет? Да и, как говорится, моральный ущерб нынче по чѐм? Но на государство не наедешь, а с простыми ментами разбираться? Так они же подневольные.

Тут с верхней полки свесился Сергей и с ходу вступил в разговор:

– Это точно! Вот у моего знакомого был похожий случай. Поставил он себе дверь железную. Ему замки нахвалили – только пластиком вскрыть можно, иначе никак. Так он ключ потерял и что? По объявлению умельца вызвал, тот за пятнадцать минут замки вскрыл. А вы говорите – дверь...

И у мужчин завязалась оживлённая беседа. Они наперебой стали вспоминать различные страшилки из современного городского фольклора. Сначала они обсудили достоинства и недостатки железных дверей, оперируя цитатами из фильмов, собственным опытом, а главным образом ссылками «один мой приятель» (знакомый, товарищ, сослуживец, начальник, нужное подчеркнуть). Затем плавно перетекли на тему несправедливого богатства, где новые русские бесконечно грабились и убивались, что для собеседников лишний раз подтверждало идею «высшего возмездия», хотя бы и в криминальной форме.

К этому времени Сергей уже слез вниз, уже откуда-то появилось пиво. И вся троица начала вожделенно поглядывать в мою сторону, явно мечтая, чтобы я освободила им столик.

При каждой новой страшилке Верницкий тербил меня за рукав, заставляя обернуться на него, и многозначительно шевелил бровями. Дескать, слышишь, как бывает? Вот я за богатством не гонюсь, потому со мной ничего и не происходит.

Слушать подобную трепотню у меня уже не было сил, и я вышла в коридор, постоять у окошка. Незаметно снегопад утих, ослабли и порывы ветра. А в облаках даже появились голубые просветы. Не иначе Хибины нас встретят солнцем.

Вагон плавно покачивался на поворотах, везя меня навстречу давнишней мечте. Интересно, неужели я и вправду буду кататься на горных лыжах? В принципе это должно быть просто, в детстве же я каталась на беговых? Каталась. Так что и здесь не ударю в снег лицом!..

...Остаток пути у болтунов прошел, что называется, в тёплой, непринуждённой атмосфере. Они перешли на ты (после первой же рюмки вездесущей водки) и трещали без умолку. Поэтому я сочла за лучшее постоять все это время в коридоре, и испытала огромное облегчение, когда мы оказались на заснеженном перроне в Апатитах.

ГЛАВА 1

Немногочисленные пассажиры, сошедшие здесь, потянулись на привокзальную площадь. Ушли и Влад со Стасом, помахав нам на прощание. Мы же остались на перроне, дожидаться пока Верницкий хоть немного протрезвеет. Я стояла раздражённая донельзя. И впрямь, ситуация сложилась просто изумительная. Мы приехали в незнакомое место, а он лыка не вяжет. Хороший же подарочек он устроил мне прямо на Восьмое марта. А я так надеялась, что мы этот первый вечер на отдыхе отпразднуем вдвоём. Да уж, взглянула я на Сергея, накрылся праздник медным тазом. Хорошо хоть это чудо в перьях на ногах стоит.

– Ну, что ты? Ведь хорошие ребята, – попытался защитить случайных попутчиков муженёк, выпятив губы и стараясь сфокусировать на мне взгляд.

– Чем хорошие? – все сильнее распалаясь я. – Тем, что наливали тебе?

– Ну, зачем ты так? Просто посидели, выпили. Сейчас все пройдёт, – обнадёжил меня благоверный, сонно моргая и делая попытку присесть на рюкзак.

Я этого не допустила и принялась навьючивать на Верницкого поклажу. В это время поезд вздрогнул, зашевелился и вскоре исчез вдали, оставив за собой снежный шлейф.

– Пойдем, наказание моё, – я с силой дёрнула его за рукав и повела к стоянке такси, следя за тем, чтобы наказание не остушилось, не поскользнулось и не упало.

– Ну что ты так со мной обращаешься? – пьяно шепелявил супруг. – Что я тебе сделал? Можно подумать, что если бы я исчез, тебе бы стало легче!

– Можно подумать! – огрызнулась я и, прислонив его к вокзальной стене, пошла договариваться с местными таксистами о поездке в Кировск.

И вскоре старенькая «четвёрка» уверенно покатила прочь от вокзала.

Судя по объяснениям водителя, Кировск был типичным рабочим городком, целиком зависевшим от фосфатного рудника, основанного в тридцатые годы. Через полчаса после старта от вокзала в Апатитах мы уже въехали в зажатое между гор местечко. В нем имелись кроме серых пятиэтажек: светофор, памятник Ленину, центр развлечений «Большой Вудъявр» и много-много снега. И, конечно, горы. Но из окна машины я их не смогла толком рассмотреть. К тому же заснеженные Хибины сливались с пасмурным небом и не произвели того впечатления, которого я ожидала. Да и не в том настроении я была, чтобы любоваться красотами природы.

Я позволила себе облегчённо вздохнуть лишь после того, как таксист помог мне затащить все вещи и беспробудно спящего Верницкого в арендованную квартиру.

Жилище в целом мне понравилось. Самый главный принцип был соблюден – здесь было тепло и имела горячая вода. Высокие потолки, просторная комната, большая ванная, уютная кухня. Встроенные шкафы в коридоре. Вот только некоторое беспокойство у меня вызвала входная дверь. Эту конструкцию и дверь-то назвать было трудно. При всех моих скудных познаниях в строительстве я понимала, что эта картонная пластина сможет остановить только грудного младенца; французский замок, сохранившийся с середины прошлого столетия, поражал своим примитивизмом и открывался наверняка булавкой, а то и просто на голос хозяйки. А когда я заметила щели в дверном проёме и попробовала покачать косяк, то к ужасу своему обнаружила, что дверь заходила ходуном.

– Не беспокойтесь, – прокомментировала хозяйка мои действия. – Здесь все друг друга знают. Это не в вашем Ленинграде. Никто к вам не полезет. Тем более я всех соседей предупредила. А это кто? – тут она бесцеремонно кивнула в сторону валявшегося в кресле бесформенным кулём Верницкого. – Супружник, или хахаль?

– Муж, – краткостью ответа я дала понять, что не намерена обсуждать эту тему.

– Ну и ладно, – согласилась хозяйка. – В общем, отдыхайте. Телефон я оставила, если что, найдёте меня. Газ есть, свет есть. Телевизор работает. Магазин рядом. А до горы двадцать минут ходу. Вон в ту сторону, – и она неопределённо махнула в сторону окна. – Тогда я пошла?

Напоследок хозяйка скорбно поджала губы, неприязненно взглянув в сторону спящего Верницкого, выразила мне соболезнование взглядом и удалилась, не забыв, впрочем, взять аванс и оставить взамен ключи.

А я подошла к окну в комнате и раздвинула занавеску, чтобы посмотреть окрестный пейзаж, да так и застыла. Напротив дома, метрах в ста, угрожающей, отвесной стеной нависла чудовищная гора. Ее вершина терялась в свинцовом небе. Снег лишь местами удерживался на крутом склоне, и там где его не было, серыми лишайными пятнами обнажалась голая порода. Мне сразу же стало неуютно. От горы исходила угроза и опасность, и я задумалась, а каково здесь жить постоянно? Я, конечно, не специалист, но по системе фэншуй, ставить подобным образом дом, означает полностью блокировать энергию ци. Да уж, хорошо хоть что мы здесь проведём всего семь дней, и ничего плохого с нами не случится. . .

. . . Я распаковала вещи, распахив их по шкафам, убрала продукты в холодильник и затеяла общую уборку. В квартире было чисто и опрятно, но наведение порядка позволило мне успокоиться. Вообще для меня уборка заменяет релаксацию. Так что вскоре я уже смотрела на происшедшее более снисходительно. Ну, напился Верницкий, ну слаб человек. Сама виновата, что не проследила. Главное, что до места добрались!

Я решила вознаградить себя за труды праведные свежим чаем, и пока закипала вода в чайнике, присела к кухонному окошку. Оно выходило на внутренний дворик, образованный соседними домами. Весь двор был заполнен невероятным количеством снега. И хотя почти все сугробы выше человеческого роста – дорожки аккуратно расчищены. Я и днём-то, пока мы ехали по городу, восхитилась таким аккуратизмом (не в пример питерским дорожным службам), а потом поняла: стоит хоть один раз не убрать снег, и катастрофа неминуема. Всё понятно – Север есть Север!

Уже давным-давно стемнело, но фонари исправно освещали двор. И ни души вокруг! Только малыш лет пяти в одиночестве катался на ледяной горке. Он съезжал по ней на попе, всякий раз прилежно подкладывая под себя фанерку. Остановившись в конце ледовой дорожки, несколько секунд сидел неподвижно, падал набок, и только тогда поднимался и шёл обратно. Все это он выполнял с методичностью робота, размеренно, без эмоций. Я по привычке начала примерять на него возможные отклонения в психическом развитии, но потом вспомнила, что начался отпуск и, чертыхнувшись, отвела от малыша взгляд.

Из комнаты слышалось кряхтенье и скрип дивана. Это очнулся Верницкий. Вскоре он появился в кухне, держась за голову и постанывая:

– Ох, как голова болит! Дай, пожалуйста, какую-нибудь таблетку! И чего я так напился? А все ты виновата. Остановить не могла вовремя.

Типичный мужской подход к проблемной ситуации – перевернуть все с ног на голову. Я воздержалась от комментариев и молча кивнула в сторону стола, где несчастного страдальца уже дожидались таблетка анальгина и стакан воды.

Осуществив приём лекарства, Верницкий подошёл к окну и прижался лбом к холодному стеклу, блаженно застонав при этом. Минут через пять он поинтересовался:

– И давно этот пацанёнок катается? Он же еле ноги передвигает.

– А ты пойд и спроси у него, – злорадно посоветовала я. – А заодно отыщи местный супермаркет, я тебе уже приготовила список, что надо купить, и деньги.

– Ну, куда я в таком виде пойду? – взмолился супруг. – Я вообще передвигаюсь с трудом.

– Ничего, ничего. На улице минус десять, как раз быстро придёшь в себя. Давай, одевайся, – погнала я его в коридор. – Помнишь семейное правило номер один? Ни один твой проступок не должен остаться безнаказанным!

– Может, вместе сходим? – продолжал канючить Верницкий. – А то смотри, упаду в сугроб и замёрзну там на фиг.

– Ты не ямщик, и здесь не степь, – отшутилась я и вытолкала его за порог.

Ф-фу! Зря я, конечно, на него ругаюсь. Так-то он у меня хороший! И ведь не пьяница. Но в компании, по его собственному признанию и моим наблюдениям, не воздержан. Пока он на морозе выгуливал своё похмелье, я отправилась почитать прихваченную из дома литературу. Как это приятно, полистать книгу, в лежачем положении, зная, что у тебя впереди – семь дней восхитительного отдыха! И никто... И НИКТО не посмеет мне его испортить!

Я с удовольствием погрузилась в мир, раскрываемый передо мной очередным западно-европейским интеллектуалом. Мир чистых отношений и политкорректности, где герои в маете бесцельности существования совершали высокохудожественные поступки. Самым приятным в книге были многочисленные цитаты и зашифрованные отсылки к произведениям других авторов. Я включилась в предложенную игру и очнулась примерно через час.

Верницкий так и не пришёл, хотя отведённое для похода время уже истекло. Я забеспокоилась. Сама я супермаркет не видела, но судя по описаниям хозяйки, до него не больше пяти минут ходьбы. Может быть там очередь? Мне рассказывали про Кировск, что этот городок – заповедник социализма. Я подумала, а вдруг тут и вправду царят прежние времена? Вдруг в магазине выкинули что-нибудь остродефицитное? Например, омаров, или страусиные яйца? И Сергей покорно выстаивает в общей очереди?

Когда истекли контрольные пятнадцать минут, и настенные часы пробили ровно девять часов вечера, моё беспокойство возросло десятикратно. Ну что могло случиться? Знакомых за Северным полярным кругом он встретить не мог. Это исключено. Утонуть в сугробе, приморозить ногу, по есенинскому методу? Бред сивой кобылы. Я же видела, что он просто придушивается, а на самом деле очень хорошо соображает. Так что несчастный случай тоже исключается. Заблудиться он не мог. В этом городке очень хорошо с освещением. Тогда что?

Может, на него напали грабители? И он уже давно лежит в больнице, в реанимации, а я здесь с книжкой прохлаждаюсь? Типун мне на язык! Какие грабители в такой холод? Хотя, может быть, выследили нас с вокзала. Решили, что приехали богатенькие спортсмены. Дождались и двинули Серёжку по голове? Нет, чтобы с ним вместе прогуляться! На двоих бы не осмелились напасть.

Нет! Это он скорее всего обиделся на меня и решил проучить. Я здесь места себе не нахожу, а он в местном кафе здоровье поправляет. Точно. Наверняка, уже там с кем-нибудь познакомился и сидит себе, в ус не дует, пивко попивает. Ну, вернётся, я ему устрою! Он ещё пожалеет, что женился на мне!

Но часы показали двадцать два ноль ноль по московскому времени, а Верницкий так и не вернулся. И тогда я, одевшись, выскочила на улицу его искать.

Куда бежать, кого спросить – ничего не понимаю. Абсолютно пустынные улицы. Хорошо, что вскоре отыскалась автобусная остановка, рядом с которой припарковалось такси. Я уточнила у водителя, как пройти к супермаркету и, получив подробную инструкцию, поспешила туда. Идти и вправду оказалось недалеко. Вскоре передо мной открылся типичный центр капиталистической торговли со всеми атрибутами цивилизации. И, разумеется, никакими очередями здесь не пахло и в помине. Впрочем, судя по времени и откровенно скучавшим продавщицам, кировчане в такое время уже не охотно занимались покупками.

Ряд проведённых консультаций с работницами свёлся к всеобщему отрицанию:

– Как вы говорите? Темно-русый полноватый мужчина лет сорока? Чуть выше среднего роста? Глаза серые, нос с горбинкой? Виски седые? Как интересно. А одет как? Синяя «Аляска» и черные джинсы? Не, не помним. А что хоть купить должен был? Вы это лучше скажите.

Когда я перечислила по памяти список покупок, продавщицы хором воскликнули:

– Нет. Такого покупателя у нас сегодня точно не было.

Я несколько раз глубоко вздохнула, пытаюсь унять волнение. Одна из девушек, проявив участие, предложила:

– А вы поговорите с Пашей, охранником. Может он чего подскажет?

Я так и сделала. Охранник просветил меня относительно расположения ближайших значимых заведений, и я шагнула из тёплого зала в морозную ночь. Одна, в незнакомом городе. Однако я не испытывала страха, а лишь раздражение на Верницкого безответственно напившегося в поезде, что и привело к незапланированной ситуации.

Посещение зала игровых автоматов, двух кафе, и пивного павильона не принесло успокоения моей исстрадавшейся душе. Мой муж здесь не отмечался. Тогда я решила исследовать маршруты от дома, по которым мог прогуляться Сергей, но ни в одном тёмном закоулке запылённое снегом тело не обнаружилось.

Ну не может человек, только приехавший в незнакомый город, бесследно исчезнуть. Мне вдруг пришло в голову, что он давно уже вернулся обратно, и сейчас ждёт меня на лестничной площадке. Я бегом ринулась к дому, но, увы! Подъезд встретил меня тишиной. Задыхаясь, я бегом взбежала на третий этаж – пусто!

И вот тут мне стало страшно! Ну что, что могло произойти? Я медленно вошла в квартиру, теперь она совсем не показалась мне приятной. Пустая, чужая, мне даже почудилось, что она сейчас следила за мной, тайно радуясь моим страданиям. Я старалась ступать как можно тише, но от этого становилось лишь страшней. И, наверняка, дух квартиры сейчас тайно напевал: «Уезжай, уезжай! Сама виновата, сама виновата! Так тебе и надо, так тебе и надо!» Пытаюсь перебороть этот кошмар, я поскорей включила телевизор, и наваждение рассеялось.

Уже полдвенадцатого ночи. Верницкий пропал. Что можно сделать? Куда позвонить?

Я бросилась к телефону, и вскоре мне ответил дежурный милиционер:

– Нет, никаких происшествий с лицом, чьё описание подходило бы под вашего мужа, не зафиксировано... Ну, я же сам журнал заполняю... Нет, никаких сигналов тоже не было.

Тогда я попыталась выяснить, как дозвониться до приёмного покоя местной больницы, но милиционер объяснил мне, что звонить бесполезно:

– Они нам сразу докладывают о необычных поступлениях. Особенно в бессознательном состоянии. Так что я уверен, вашего мужа там нет!

– Но надо же что-то делать? – взмолилась я.

– Ждать, – философски откликнулся на мой возглас страж порядка.

– Но как же! – возмутилась я. – Ведь надо по горячим следам! Это облегчает следствие!

– Какое следствие? – засмеялся милиционер. – Вы же сами вначале сказали, что он слегка подал. Правильно? Наверняка отправился в загул. Вы его небось пилили за лишнюю рюмку! А какой мужик потерпит такое отношение? Снял, наверняка какую-нибудь кралю, ну и, того-этого. А вы тут паникуете! Вот завтра заявится, с ним и разбирайтесь!

– Эй, эй! Подождите! Я сейчас приду и напишу заявление! Чтобы вы начали розыск!

– Послушайте моего совета, – добродушно ответил милиционер. – Я понимаю, вы немного взвинчены. А мне скучно сидеть здесь одному, поэтому можете прийти в гости. Но, если честно, то заявление я у вас не приму, потому что ещё не прошёл предусмотренный законом срок. Да и для начала срочных розысков нет никаких оснований, поскольку ваш муж не душевнобольной и не ребёнок и его никто не похищал. Так? Так. Далее, примем за основу невозможное – его похитили. Вы можете это доказать? Что его жизни угрожает опасность? Да, пусть и сможете. Все равно никто его искать сейчас не станет. Сейчас ночь! Все спят! Даже похитители, а тем более свидетели. Я не знаю как у вас, в Петербурге, а у нас дело обстоит именно так. И ни я, ни оперативная группа, ни тем более начальник пальцем не шевельнём. Даже если бы вы были дочкой президента... Хотя, если бы вы были дочкой президента, наверное, мы бы начали искать вашего мужа. Взяли бы лопаты, фонарики, подняли общественность

на ноги и перевернули все сугробы, но отыскиали беглеца в какой-нибудь берлоге в обнимку с медведицей. Ха-ха! Но вы ведь не связаны кровными узами с президентом? Тогда, увы...

В сердцах, не в силах больше слушать это издевательство, я бросила трубку и заметалась по комнате. Собрав воедино остатки мужества (или женственности?), я выскочила на улицу и заново начала методично обшаривать окрестные дворы и улицы, надеясь, что вдруг да найду какой-нибудь знак или ниточку. Только старания мои были тщетны.

ГЛАВА 2

Я бродила по пустынным ночным улицам чужого города и с каждым шагом казалась себе все меньше и меньше. А внезапно ставший враждебным мир все разрастался вокруг меня, загоняя в угол, чтобы объявить шах и мат.

Мороз явно усилился и меня вдруг охватил озноб. Но я упрямо вышагивала, с ненавистью думая о той минуте, когда мне придётся возвращаться в эту чёртову квартиру. Сквозь поредевшие облака выглянула ущербная луна. И хотя полнолунием не пахло, мне ужасно захотелось завывать по-волчьи. Я даже попробовала тихонько, но мой голос показался настолько неуместным в здешних условиях, что пришлось быстро прекратить это занятие.

Лишь доведя себя до полуобморочного состояния и непрерывной дрожи, я вернулась в квартиру. Единственной отрадой для меня оставался душ. Я пустила горячую-горячую воду и застыла под ней.

Ни одной мысли не осталось в промёрзшей голове, только щемящее чувство собственной беспомощности ворочалось в груди так явно, что хотелось запустить под ребра руку, вытащить это чувство и выбросить, чтобы оно не донимало меня.

Выбравшись из душа, я легла в постель и провалилась в тяжёлый, дремотный сон...

...Вряд ли я спала больше пяти часов, однако же, проснулась резко и сразу. В голове тут же зазвучал набат: что с Серёжкой? В комнате царила тьма, как впрочем, и за окном. Но, судя по звукам проезжавших машин рабочий день был уже в разгаре. Стрелки на часах приближались к девяти.

Поднявшись на ноги, я подошла к зеркалу и ужаснулась. Бессонная ночь в сочетании с нравственными страданиями, оставила на моем лице чёткие следы в виде синяков под глазами и новой морщинки. Черт, а ведь вчера её не было!

Голова с утра ничего не соображала, а ночные прогулки под Луной на пустой желудок не способствовали ускорению мыслительных процессов. Тогда я поплелась на кухню проводить ревизию среди оставшихся с поезда съестных припасов.

Я вяло впихнула в себя йогурт и жареную куриную ножку. В принципе я всегда любила холодное куриное мясо, поэтому разогреть ничего не стала! С чаем вприкуску на бутерброде, м-м-м! Песня! Естественно, желудок благодарно отозвался на проявленную заботу и вбросил в кровь мощную порцию эндорфинов. Жить стало лучше – жить стало веселее. Да и мозг, получив питательные вещества, заработал более шустро. А может, в полной мере проявилась поговорка: утро вечера мудренее. Как бы то ни было, а, допив чай, я составила план действий, где первым пунктом стоял визит в местную милицию с намерением обаять личный состав, вывернуться наизнанку, но заставить разыскать моего мужа.

Сегодня я уже не думала, что с ним могло приключиться что-нибудь плохое. Занимался рассвет. Судя по небу, вряд ли сегодня будет солнечная погода, но ничего! Вот отыщу Серёжку, и мы отправимся кататься на лыжах! И всё-таки, где он может быть?

Однако, когда я начала собираться на выход, зазвонил телефон. Я подумала, что звонит хозяйка, но ошиблась. В трубке раздался слегка охрипший, но такой знакомый голос:

– Лера! Это ты? Не волнуйся. Слушай внимательно и запоминай. Со мной все хорошо! Никуда не звони, никуда не ходи. Особенно в милицию. Делай вид, что всё нормально. Обязательно сегодня покатайся на лыжах, для нас это будет знак, что ты все правильно поняла! Завтра я тебе перезвоню.

Я закричала в трубку:

– Серёжка! Ты где? С тобой все в порядке? Что случилось, я ничего не понимаю!

Но ответом послужили лишь короткие гудки. Вот тут я и разревелась. Я сидела на тумбочке в комнате и рыдала во весь голос. От ночной усталости, от обиды, от того, что я ничего не понимала, от того, что, к счастью, Верницкий жив.

Выплакавшись, я напрямик направилась к зеркалу. Пришлось констатировать неутешительный результат. Даже если бы возникла жесточайшая нужда, все равно, в ближайшие два-три часа с такой физиономией на улице лучше не соваться. Эх, сейчас бы масочку на лицо, да что-нибудь этакое – для релаксации.

Я подумала-подумала, да и устроила себе ванну, кинув туда изрядную порцию ароматической соли. И уже нежась в воде, задумалась о ребусе, который преподнёс мне Верницкий. Судя по голосу, он живой и здоровый. Значит, с ним ничего не случилось. И тем не менее, если проанализировать высказывание, ко мне он возвращаться не собирается!

Может он и вправду с другой женщиной, как намекал в ночном разговоре милиционер? Тут я так вскипела от возмущения, что температура окружающей меня воды, наверное, повысилась на три градуса. Вообще-то на него это не похоже, но кто его знает? Уж кому как не мне знать, как у людей крыша едет на сексуальной почве. Во все тяжкие бросаются!

Может я и вправду, додала его до такой степени, что он пошёл в разгул? Нашёл себе какую-нибудь, втихаря сговорился с ней, и она приехала сюда, чтобы тайно встречаться. А он сначала чуть до сумасшествия меня не довёл своим исчезновением, а теперь заботу решил проявить. Сам с ней в постели лежал небось, обнимая одной рукой, и так важно в телефон мне советовал: «Не волнуйся..., на лыжах покатайся...»

Убила бы обоих! Глаза бы выцарапала! УУУУ!

Стоп! А зачем же он так напился вчера? И что, решил пьяным к ней пойти? А легко! И все же надо признать, что Верницкий – форменный псих. Советует мне, чтобы я шла одна кататься на лыжах! Заботу проявить решил.

Тут я всё-таки опомнилась и в своих измышлениях дала задний ход. Фактом является отсутствие рядом со мной Сергея. Все остальное – домыслы! Главное, надо решить: ждать, пока он сам объявится и даст объяснения, или же попробовать отыскать его.

М-да, отпуск начался лучше некуда. Обидно, что посоветоваться не с кем. И тут я вспомнила о чудесах цивилизации в виде мобильного телефона, а также о том, что Миша Черкасов обладает огромным жизненным опытом. Вдруг он что-нибудь посоветует в создавшейся поистине дурацкой ситуации?

Задумано-сделано и я, выскочив из ванны, сбегала за телефоном и тут же нырнула обратно в воду. Мне показалось, что стало попрохладней, и я добавила горячей воды.

Мобильные системы связи оказались на высоте, и вскоре я услышала знакомые раскаты: – Валерия Михайловна! Моё почтение! Позвольте угадать, вы решили мне позвонить с какой-нибудь горной вершины?

И мне сразу стало спокойно. Хотя может, наконец, тёплая вода подействовала.

– Увы, Миша! Мне бы хотелось спросить у вас совета.

– Спрашивайте – отвечаем, – с готовностью отозвался он. – Два доллара – слово, плюс пятьдесят процентов за срочность.

– У меня тут возникла необычная ситуация, – начала я издалека объясняться.

Но Миша тут же меня перебил:

– Валерия Михайловна! Да когда же у вас были обычные ситуации? Думаю, что только в детстве, да и то, когда вы тихонько на горшке сидели!

– Тьфу на вас, Миша! – рассмеялась я. – Все дело в том, что вчера вечером я отправила Верницкого в магазин. И он пропал, исчез!

– Ну и слава богу! – загудел Черкасов. – Поздравляю! Вы теперь свободная женщина!

– Я серьёзно, – насупилась я.

– Так и я серьёзно! – стоял на своём Миша. – Потерялся и хрен с ним! Что на нём – свет клином сошёлся? Вон Эдуардыч холостякует давно. А что? К вам он с прошлой весны неровно дышит. Уж я то знаю. Так как, передать ему, что вы согласны?

– Что согласна? – ошарашенно спросила я.

– Как что? Выйти за него замуж. Ну, или, если вы современная женщина, то так и быть, живите в гражданском браке. Мне-то всё равно. Я ж не поп. Хотя с удовольствием погулял бы на вашей свадьбе.

– Миша! Вы пьяны? – разозлилась я. – Я ведь вам русским языком объясняю. У меня пропал муж! А вы хиханьки да хаханьки развели!

– Ой, бросьте! – продолжал ёрничать Черкасов. – Помните анекдот, где врачи извиняются перед безутешным вдовцом: «Ах, извините, мы ошиблись, оказывается, ваша жена жива!» А он отвечает: «Нет уж, умерла, так умерла!» Вот я вам и предлагаю воспользоваться ситуацией. Он вас бросил? И вы на него наплюйте!

Сегодня он явно не желал меня понимать, но я сделала последнюю попытку достучаться до его разума:

– А буквально час тому назад он мне позвонил и сказал, чтобы я никуда не обращалась, вела себя тихо и каталась на лыжах без него. Одна! Представляете?

– Легко, – отозвался Миша.

– Так что мне делать? – взмолилась я.

– Жена да убоится мужа своего, – проявил познания в Домострое Миша. – Вам ясно? Раз он сказал отдыхать – отдыхайте! Хотя я бы на вашем месте свинтил поскорей оттуда. Так как? Что сказать Эдуардычу? Когда возвращаетесь?

– Никогда, – буркнула я и прервала разговор.

А чтобы он не смог перезвонить, вообще отключила телефон.

Дурацкое положение. Более глупо я никогда себя не ощущала. И что делать, тоже не понятно. А может и вправду, слегка развлечься? Я вдруг разозлилась на них всех: на Верницкого, на милиционера, на Мишу, и даже на Константина Эдуардовича. Оказывается, я ему нравлюсь! А он ни намёком, ни полусловом! Черт побери! Ну, нельзя же так.

В расстроенных чувствах я вылезла из ванны и перебралась в комнату. А где-то через час, перекусив остатками захваченной из дому провизии, оделась по-боевому, взяла рюкзак с ботинками, подхватила лыжи и отправилась на гору!

Какой я мудрый человек! Хозяйка рассказывала мне, что некоторые её постояльцы, чтобы не таскать лишнего, прямо в квартире надевают горные ботинки и так и идут до базы. Не знаю, как они, а я и в обычной обуви замучилась, пока дошла. Три раза отдыхать пришлось, поскольку дорога, ведущая на базу, все время шла на подъем! Просто замечательно! Под конец пути мне уже никаких лыж не надо было. Поэтому я утешала себя тем, что хотя бы обратно идти будет легче – под уклон. Но всё же, я добралась до конечной цели. Едва обнаружив табличку «Камера хранения и проката», я свернула к ней.

В небольшом помещении размещалось несколько скамеек, и было открыто окно приёма вещей, где сразу же на звуки моих шагов показались двое мужчин. Я прислонила лыжи к стене и села переобуваться.

– Впервые у нас? – поинтересовался тот, что помоложе.

– Да, – буркнула я в ответ, пытаясь втиснуть ногу в ботинок.

– А вы язычок потяните на себя, удобнее будет, – посоветовал доброхот.

Я послушалась его и дело и вправду пошло быстрее.

– А неплохие у вас лыжи, – опять нарушил молчание мужчина, – давно катаетесь?

– Всю жизнь, – отрезала я, чтобы он отвязался.

– Ну-ну, как скажете, – пожал он плечами и, приняв рюкзак с обувью, выдал номерок, – сегодня все на Южном склоне катаются. Успехов!

Хорошо, что рядом был стенд со схемой, где какие склоны и как к ним идти. Разумеется, Южный склон оказался самым дальним. Зато ближайший и единственный кресельный подъёмник, сразу же понравившийся мне, был закрыт на ремонт. Стоящие передо мной лыжники приобрели в кассе карты для подъёмников. Я подумала-подумала и взяла себе карту на весь день!

Как и ожидалось, к Южному склону нужно было добираться пешком. Это оказалась сущая каторга! На ногах тяжеленные несгибаемые в подъёме ботинки, на плечах лыжи! Но люди вокруг меня легко и непринуждённо совершали переход к месту старта. Ничего, тяжело в ученье – легко в бою, думала я, отдыхая в очередной раз. Потом будет легче.

Сказать откровенно, по мере приближения к подъёмнику, окрестные склоны вызывали у меня все большее уважение и трепет. Одно дело разглядывать горы по телевизору и совсем другое – в непосредственной близости. Вершины гор укутались в туман, что вызвало в моей памяти строчки: «А горы все выше,/ А горы все круче,/ А горы взбирались под самые тучи,/ Что если я не дойду?/ Если в пути пропаду?» Однако подъёмник исправно работал, далеко-далеко наверху люди от него отцеплялись и стремительно летели вниз. На склоне было полным-полно разноцветных фигурок, и я воспарила духом. Не я одна такая, наверняка там полным-полно новичков. На месте разберёмся.

Некоторые опасения у меня вызывал способ подъёма. Но долгое наблюдение за лыжниками, как они подхватывали болтающиеся бугели (или как их там называют) и легко, парами, скользили вверх, убедило меня, что здесь затруднений не будет. Особенно мне понравились сноубордисты. Они поднимались наверх по одиночке, и подъем у них получался так ловко, а доски были такими яркими, что я даже пожалела, что купила лыжи. Наверное, надо было приобрести доску. А впрочем, все успеется, какие наши годы, и я отважно встала на лыжи. Крепления защёлкнулись, и я тут же поехала назад.

Пришлось упасть. Немного посидев, мне стало ясно, что к чему и кое-как поднявшись, теперь уже при помощи палок, я двинулась дальше. Надо будет учесть, что лыжи очень скользкие. Переняв манеру подхода к подъёмнику, я встала в очередь и вскоре достигла места старта. Тут я решила подниматься одна. Это была моя ошибка. Ухватив эту чёртову кочергу, я стала прилаживаться к ней, но в это время люфт закончился, и она рывком потянула меня наверх. Я чудом удержалась на ногах и, вцепившись в рукоять, поехала вверх, деревенея от страха, и боясь только одного – как бы не упасть. Что тогда делать – совершенно не представляла. И действительно, немного не доехав до конечной точки, я завалилась на бок. Запаниковав, я выпустила из рук бугель и, затрепыхавшись как рыба, вытащенная на берег, постаралась отползти в сторону. Отдышавшись, и выбив снег из-за шивороты, я кое-как встала на ноги и глянула вниз!

Мамма миа, Санта Мария! Чтоб мне пусто было! И за каким рожном я сюда попёрлась? Ведь предлагал Черкасов вернуться в Питер! Что я его не послушалась?

Вокруг были горы! Огромные-огромные! Противоположные склоны терялись в тумане. А люди внизу были маленькие-маленькие, как муравьишки. А этот Южный склон оказался крутой до невозможности. Хотя лыжники легко и непринужденно катились вниз. И ведь никто не падал! Я специально долго высматривала!

Тут рядом со мной остановилась молодая семья. Папа-лыжник, мама-лыжница и их сынишка лет шести, тоже на маленьких трогательных лыжиках и в красивом шлеме с нарисованными китайскими дракончиками.

– Мама! Я боюсь, – жалобно произнёс мальчик.

– Ничего, а ты потихоньку, – ответила мама и стремительно полетела вниз вслед за мужем.

Малыш постоял-постоял, опустил забрало, да и поехал себе вниз змейкой, змейкой, и вскоре скрылся из моих глаз. Я же набираясь храбрости, все высматривала, как именно спускаются вниз люди. Они приседали в коленях и, слегка наклонившись вперёд, уходили вниз по

склону. Рассудив, что если трусить, то легко можно дожидаться второго пришествия, я глубоко вздохнула и начала спуск...

И почти тут же упала. Недоумевая, как это получилось, я с трудом поднялась и поняла, что выбрав путь по кратчайшей прямой вниз, поступила неправильно. Лучше ехать по касательной. Я так и сделала, когда отряхнулась от снега. Метров двадцать я проехала довольно устойчиво, но настала пора, как говорят моряки, менять галс. Правильно развернуться я не смогла, и тут же стремительно полетела вниз. Скорость выросла мгновенно, и не успев испугаться, я закувыркалась по склону. Лыжи в одну сторону, палки – в другую, а я затихла, лишь сделав три кульбита. Отряхнувшись от снега и собрав снаряжение, я задумалась о причине своей неудачи и сделала вывод, что нужно тормозить на повороте, сводя носки лыж вместе.

Теперь я предусмотрительно повернула лыжи в сторону подъёмника и... Господи, как я не врезалась в опору? Не знаю. Лыжники, поднимавшиеся на бугеле, наверняка испугались сумасшедшей, которая подобно пушечному ядру пересекла их подъем. Затормозил меня огромный сугроб. Выбравшись из него и разыскав лыжи и шапочку, я упрямо очистила крепления и теперь покатила по удобной плоскости. Где, весьма кстати никого не было.

Но тут сзади послышались голоса:

– Да куда же её понесло?

– Падай! Да падай же, дурёха!

А я с ужасом увидела, что меня несёт прямо на кустарник. Страх парализовал меня, и я вошла прямо в заросли. Растения не смогли меня остановить, но все же скорость снизилась до приемлемой, и я успела рассмотреть, что меня ждёт впереди. Только выставленные вперёд в отчаянии палки спасли меня. Я же не знала, что здесь за снежным отвалом притаился крутой обрыв, метров на десять глубиной. Не будь кустов, я бы туда так и ахнула! Прямо на ствол берёзы, произраставшей со дна расщелины. Берёза была корявая, ствол неохватный. Так что я легко представила себе скромный обелиск, воздвигнутый здесь через какое-то время.

Отдышавшись и вытерев взмокший от напряжения лоб, я уже стала подумывать, а не спуститься ли мне вниз пешком. Да, придётся признать собственное поражение, зато останусь целой и невредимой. Но тут сзади послышался скрип снега и рядом затормозил пожилой, представительный мужчина. Он снял очки и спросил:

– Помощь не требуется?

– Нет, – я горделиво выпрямилась и отшутилась, чтобы не разреветься. – Вот, осваиваю трассу. Экстремалю помаленьку.

– Вы начинающая? – уточнил он. – Кататься-то умеете? И кто вас только пустил сюда? Вы хоть просмотрели на схеме, где расположены опасные участки?

В другом состоянии я бы, может, по-другому ответила. Но не сейчас:

– Слишком много вопросов! Сама сюда приехала, никого не спросила!

– Тьфу ты, – сплюнул он с досады. – И до чего же вы всё-таки, бабы, бестолковые! Ещё и феминистка, наверняка? Я помочь хотел!

И он, резко оттолкнувшись, ринулся от меня прочь, как от зачумлённой. А я сразу передумала снимать лыжи и потихоньку спускаться вниз. Шиш ему! Я не бестолковая! Я смогу! И я вновь заскользила вниз. Я падала раз десять! Склон был крутой, и я кувыркалась по нему, исполнив все что можно: двойной оборот с падением на спину; тройной кувырок через левое плечо, переворот вокруг собственной оси с последующим уходом в сугроб. Но как Ванька-встанька, упрямо поднималась, отыскивала лыжи, очищала крепления и вновь летела вниз. На одном упрямстве. Я наелась, наглоталась столько снега, сколько за все детство не пробовала. О! И кто только придумал эти горы?

Мой первый в жизни спуск занял сорок минут!

Как ни странно, во мне было столько злости, что, оказавшись внизу, я вновь встала в очередь на подъёмник. Я уже не видела ничего вокруг. И знала только одно – я должна научиться!

Я смогу! Но конечно, одних заклинаний оказалось мало! Все повторилось с неумолимой точностью. В общей сложности пятнадцать падений, где я показывала высший пилотаж по кувыркам в длину. Сплошной кошмар – ты чувствуешь, как теряешь равновесие, снова неумолимо приближается снежный покров, и вот уже кувыркаешься птицей со сломанными крыльями. И правда, как я себе ничего не сломала, абсолютно не понятно! Наверное, у меня есть ангел-хранитель! Только у меня есть один вопрос к нему:

«Почему же ты меня не остановил, когда я одна попёрлась на Южный склон?»

Итак, в летописи моей жизни этот день навсегда останется ДНЁМ ПОЗОРА!

Кое-как добравшись до пункта проката, я на последнем усилии воли вошла в зальчик и, тут же обессилев, повалилась на скамейку. Лишь минут через десять, оклемавшись, я сумела очнуться и пойти за своим рюкзаком.

Получив протянутый мною номерок, сотрудник заметил:

– Ну, как, хорошо покатались? Получили удовольствие?

– Получила, – одарила я его злобной улыбкой.

– Можете наверх подняться. Там, где кассы, на втором этаже есть кафе, – посоветовал он.

Вот это был дельный совет. А когда он предложил мне за чисто символическую плату оставлять у них на хранение лыжи и ботинки, то и вообще показался неплохим парнем.

Неплохого парня звали Иваном. Так что, оставив ему своё снаряжение, я налегке отправилась в кафе. Только там я поняла, как же хочу пить. Вокруг гомонили за столиками группы весёлых и довольных жизнью лыжников.

– «Ничего», – думала я, стоя в очереди, – «Кто-то за мои мучения ответит, и я даже, кажется, знаю кто!»

Я сидела за столом одна-одинёшенька и грустно пила свой сок. Сил не было даже дойти до дома, уж не говоря о том, чтобы отправиться на поиски Верницкого. Куда там?

С каждой минутой внутреннего самобичевания, я становилась сама себе все противней и противней. Однако, видимо у некоторых посетителей кафе были другие мнения о моей наружности. Потому что вскоре ко мне подсел довольно интеллигентный молодой парень:

– Мадам, вы чем-то расстроены? Может, я могу чем помочь?

Вынести подобное обращение, да в теперешнем состоянии, оказалось выше оставшихся у меня сил, поэтому я ответила просто и без выкрутасов:

– Отвали! Геронтофил! Ты бы меня ещё матерью назвал! Ищи себе другой... объект!

И мило улыбнулась ему при этом.

Соискатель на толику моего внимания живо ретировался, а я заказала себе второй бокал томатного сока. Но спокойно попить мне не дали. На этот раз за мой столик бесцеремонно плюхнулись сразу двое, поставив перед собой тарелки с едой. Я подняла глаза и обнаружила, что это Стас и Влад. Они были одеты в горнолыжные костюмы и, судя по всему, только что заявили на базу.

– Здравсьте, здравсьте! – весело зачастил Влад. – Давненько не виделись! А где Серж?

– Нету, – я развела руками. – Отсутствует!

– А! На склоне? А вы уже накатались? – проявил смекалку Стас.

– Ага, – туманно ответила я.

– Ну и как? – спросил Влад и сам же себе ответил. – Ведь зашибись! Мы каждый раз, как приезжаем сюда, так в первый день катаемся до одурения. Вы тоже, сразу видно оторвались по полной программе. Да? А вот нас дела задержали.

Я только грустно вздохнула. Это не осталось незамеченным.

– Это что за вздохи? Проблемы какие-то? – проявил участие Стас.

Нельзя сказать, что они мне были очень симпатичны – эти ребята. Они провинились передо мной хотя бы в том, что напоили Верницкого. С другой стороны, они не вливали в

него водку силком. К тому же я сейчас в чужом краю одна как перст, и единственными моими знакомыми являлись они.

В общем, я вдруг взяла, да и вывалила на них все случившееся с Верницким. И что сейчас совершенно не знаю как быть. Они слушали молча, и лишь под конец моего монолога Влад негромко присвистнул:

– Дела! Блин, тут не знаешь, что и посоветовать! Мне кажется, вам надо дождаться второго звонка и суметь поговорить с мужем. Тем более, что он пообещал вам перезвонить. А уж тогда решать, что делать.

– Правильно! – поддержал приятеля Стас. – Жаль, что мы не в Питере! Там бы мы смогли вам хоть чем-нибудь помочь. А здесь?

– Да я не прошу помощи! – вслух пожаловалась я. – Мне бы понять, что делать! Ладно, спасибо вам, что выслушали. Пойду я!

Я встала из-за стола. Приятели переглянулись, и Стас спросил:

– Может вас проводить?

– Чего не надо, того не надо, – решительно отказалась я. – Ходить сама пока могу!

– Удачи! – пожелали они мне вдогонку. – Может, увидимся!

И я отправилась домой (в смысле, в арендованную квартиру). Чёрт! Никогда я так остро не ощущала своё одиночество, как нынче в этом заснеженном городке. Я шла одна, и не за кого было держаться, не с кем пошутить, обсуждая мои падения. Да и в доме меня никто не ждал. Там было пусто и уныло, как в животе у крокодила.

Интересно, чем занимается сейчас Верницкий. И позвонит он мне или нет?

Я свернула в сторону магазина и купила себе все необходимое, в том числе и бутылку марочного вина, потому что предчувствовала, что второй раз сегодня я на улицу уже не выйду. И, действительно, едва раздевшись в квартире и развесив сушиться одежду, я поняла, как устало всё моё тело! Я рухнула на кровать и пролежала без движения с час.

За это время за окном окончательно стемнело. Наконец, я пришла в себя и со стоном и кряхтеньем пошла сварить хоть макарон. И уже кинув в кипяток всю пачку поняла, что зря так поторопилась. Вполне возможно, что какое-то время мне придётся есть их одной. И что мне делать с такой прорвой мучных изделий? Но было поздно, и я оставила все как есть.

Чтобы не так сильно давило ощущение одиночества, я включила телевизор в комнате, а сама устроилась на кухне с книжкой в руках. Против воли, я ушла в чтение с головой и не сразу услышала, как тренькает в коридоре телефон. В одно мгновение я долетела до него и схватила трубку:

– Алло?

Это оказался Верницкий:

– Привет! Это я! Если все пойдёт хорошо, то дня через четыре мы увидимся! Будь паинькой! Не предпринимай самостоятельных шагов! Катайся на лыжах и всё такое! Жди! Надо будет, с тобой свяжутся. Ну все, пока!

И в трубке послышались сигналы отбоя. И как прикажете это понимать? Я не успела задать ни одного вопроса. Нет, ну это просто наглость неприкрытая. И ведь мог как-нибудь намекнуть хотя бы, что все это значит! Где он? Что с ним? Судя по весёлому голосу, чувствует себя неплохо, уверенно. И по некоторым ноткам я поняла, что он вполне доволен происходящим.

Неужели он решил где-то отсидеться втайне от меня? Но зачем? Я совершенно не представляла цели. Поиздеваться надо мной? Интересно, какую байку он придумал для своего оправдания? И срок предсказал, значит, он точно владеет ситуацией. Но какой гад! Ведь четыре дня пройдёт, и наш отпуск закончится! А я значит, все это время должна сидеть здесь одна, по его милости? Ну, нет! И мне захотелось страшно отомстить этому шутнику.

Вот возьму и уеду обратно в Питер. Пускай здесь делает что хочет! Фрукт какой! Я с ним шестнадцать лет прожила, подумать страшно, а оказывается, совсем его не знала! Комбинатор хренов! Ну, я ему покажу! И во мне окончательно созрело решение вернуться домой.

Пропади пропадом этот Верницкий вместе со своими горами и лыжами!

Предстоящий длинный, унылый, тоскливый вечер я могла скрасить только книгой и телевизором! Ну и отпуск! Ничего, завтра с утра соберусь, и на вокзал! Разрушительному воздействию депрессии, пытавшейся завоевать мою душу всякими пессимистическими мыслями, я противопоставила солнечный напиток из Грузии в сочетании с сыром и конфетами.

И успешно. По крайней мере, к десяти часам вечера, мой внутренний мир был безмятежен и тих как лесное озеро в безветренную погоду. И даже телефонный звонок не изменил моего состояния.

– Я вас слушаю, – отрешённо проговорила я в трубку, размышляя, кто бы это мог быть.

– Это хорошо. Слушай внимательно. Если хочешь увидеть своего мужа в целости и сохранности, то тебе придётся раскошелиться, – послышался в трубке искажённый металлический голос. – В противном случае ты станешь вдовой. Разговариваем дальше?

– Да, да, – я в миг протрезвела. – Дайте мне поговорить с мужем.

– Нет, ты сегодня уже говорила с ним. Хватит. У тебя два дня времени, чтобы собрать сто тысяч долларов.

– Но у меня нет таких денег! – закричала я. – Откуда я их возьму, вы что, с ума сошли?

– Нам не важно, откуда. Главное, что если их не будет, то ты вдова...

– И потом, два дня – это нереально, – впадая в панику, запсиховала я. – Подождите, давайте поговорим. Дайте побольше времени!

– Нет. Звони своим друзьям в Питер. Пусть они соберут требуемую сумму и вышлют завтрашним поездом. Таким образом, послезавтра деньги будут здесь. И мы с тобой свяжемся. А пока отдыхай. Наслаждайся горами!

И вымогатель положил трубку. А я опустила на диван и, сжав виски, закачалась в тоске. Вот и началось. Значит, всё-таки похищение. Сначала они следили за мной, как я себя поведу, выжидали, и лишь потом решили действовать. А может это своеобразный психологический подход? Ведь если они меня знают, то им должно быть известно, что я психолог. И поэтому они решили поиграть со мной в кошки-мышки.

Так. Что делать? В милицию обращаться? Тут я вспомнила ночной разговор и поняла, что это бесполезно. Да и потом вряд ли у них есть специалисты по похищениям. Пока разберутся что к чему, будет слишком поздно. А если ошибок наделают... Нет. Милиция отпадает.

Господи, ну где же денег столько взять? Эх! Тут я поняла, что как ни крути, а придётся звонить Мише. Я включила мобильник и вызвала абонента, ёмко обозначенного – «Циклоп».

Он откликнулся тут же, словно держал трубку наготове:

– Валерия Михайловна! Вы почему отключили трубку? Я уже начал беспокоиться! Вы не обижайтесь за утренний базар... Короче, виноват. Как там ваш муж, объявился?

– Нет, – пожаловалась я. – Зато объявились похитители. Они требуют послезавтра сто тысяч долларов или грозятся убить Сергея.

Тут я против воли шмыгнула носом.

– Понятно, – отозвался Миша. – А подробней по теме?

– Сказали, чтобы я друзьям позвонила, а они бы переслали требуемую сумму завтрашним поездом сюда. Тогда похитители со мной снова свяжутся. Миша, это серьёзно? – спросила я.

– Вполне. Отморозков сейчас хватает. Ладно, мне надо подумать, я перезвоню через полчаса. Не отключайтесь.

И потянулись долгие минуты ожидания. Я не сомневалась, что Миша мне поможет. Только вот как? Почему-то мне представлялось, что он зайвится сюда лично. Возьмёт человек десять с собой, перетряхнёт весь этот городок, но в тот же день отыщет моего бедного Серёжку.

Ровно через тридцать минут я вновь услышала Черкасова:

– Значит так, Валерия Михайловна! Ни о чем не беспокойтесь! Отдыхайте! Скоро к вам приедет Эдуардыч! Он привезёт деньги, и всё будет хорошо! Если начнутся изменения в программе – звоните.

– Миша! – воскликнула я, но он уже отключился.

Вот значит как! Конечно, это здорово! Но я не успела задать совсем не риторический вопрос – а как я буду отдавать эти безумные деньги? Разумеется, я помню, как Миша неоднократно заявлял, что он мой друг. Но у любой дружбы есть финансовые пределы.

Неужели он просто так выложит из своего кармана сто тысяч долларов? Нет, наверное, я просто чего-то не понимаю. Впрочем, в моем положении остаётся только ждать. Вот приедет Константин Эдуардович Красовский, он мне всё и объяснит.

Остаток вечера прошел в следующем режиме. Минут десять я пыталась читать, потом сбивалась на путанные размышления, никак не прояснявшие картину. Тогда я прибегала к алкогольному допингу, чтобы кровь быстрее поступала в мозг и снова принималась за чтение. Сбой в программе произошёл, когда я обнаружила, что в бутылке не осталось ни капли...

ГЛАВА 3

...В это утро я на себе испытала присловье: «пусть меня пристрелят, но я не встану». Тело болело так, словно я вчера весь день работала грушей в боксёрском зале. Голова же просто раскалывалась изнутри, грозя разлететься на кусочки каждую секунду.

И никто! И никто не спешил мне на помощь! Лишь полчаса контрастного душа, в купе с кетоналом, помогли мне слегка прийти в себя. Но только слегка. Шатаюсь как сомнамбула, постанывая при каждом движении, и проклиная всё подряд, наконец, добралась до кухни.

Соорудив себе яичницу, я жадно проглотила ее прямо со сковородки и отправилась обратно в постель. И пусть весь мир провалится в тартарары, я буду спать.

Второе пробуждение прошло более благополучно. С телом никаких улучшений не виделось, зато голова пошла на поправку. Нормальные люди сейчас обедают, но я к таковым себя не относилась, и потому принялась за приведение себя в порядок.

Боже мой, когда я взглянула на себя в зеркало, то обнаружила, что вся в синяках. Сплошь! Как хорошо, что сейчас зима, а не лето. Из-за таких иссиня-чёрных гематом, «украсивших» мою сверхчувствительную кожу, три недели ходить в закрытой одежде бы пришлось. Да уж, недёшево дались мне вчерашние полёты. Хорошо хоть с лицом все нормально, если не считать лёгкой помятости.

На сегодняшний день у меня имелась альтернатива. Просидеть безвылазно дома, терзая себя всякими бесплодными мыслями, или же выйти в люди. И я решила, что необходимо отвлечься во что бы то ни стало.

Используя весь тюбик анестезирующей мази, я добилась некоторого облегчения. Конечно, в тех местах, до которых могла дотянуться. Затем занялась макияжем, и где-то через час никто бы не заподозрил меня во вчерашнем предосудительном поведении.

Я облачилась в высохший костюм и отправилась на гору, поскольку днём в этом местечке пойти было больше некуда.

В пункте проката, пока Иван ходил за моими лыжами, я случайно наткнулась взглядом на объявление о расценках, где в частности прочитала, что можно воспользоваться услугами инструктора. Особенно меня поразило, что эти инструктора берут столько же, сколько и я за свой сеанс. Не удивительно, что все считают горнолыжный спорт дорогим развлечением. Хм, а может и мне воспользоваться их услугами? Хотя бы один раз.

И я обратилась к Ивану:

– А как мне договориться с инструктором?

– Зачем? – не понял тот.

– Ну, взять урок, отточить движения, – пояснила я.

– А! Вы могулом хотите заняться? – догадался Иван.

– А что это? – проявила я полную неосведомлённость.

– Постойте. Вы ведь вчера ходили на Южный склон! Вы говорили, что катаетесь всю жизнь. И если вы не хотите научиться фристайлу, то зачем вам инструктор?

– На самом деле я не очень умею кататься на горных лыжах, – сказала я, отведя взор.

Мне это признание далось очень трудно. И я его сделала только потому, что рядом никого не было. Иван ошарашенно на меня смотрел, а потом стал медленно открывать рот:

– А! Так вы и есть, та, которая вчера... Кхм... Мне рассказывали, но я не подумал на вас.

Тут он сдержал улыбку, уже начинавшую проявляться на его лице и добавил:

– Если вы подождёте, то я позову сменщика, и минут через пять мы с вами пойдём на учебный склон. Согласны?

– А вы тоже инструктор? – уточнила я.

– Разумеется, – улыбнулся он. – А заодно и мастер по ремонту инвентаря.

Я переобулась и, подхватив лыжи, вышла на свежий воздух. Неподалёку имелась очищенная кем-то от снега скамейка, и я не преминула ею воспользоваться. И только сейчас я заметила, что погода изменилась к лучшему. Знать, не зря я сюда приехала (если не брать в расчёт похищение Верницкого).

Небо над Хибинами давно расчистилось, оказавшись ярко-ярко-синим. Самым, что ни на есть, весенним. А как пригревает солнце! Его лучи я ощутила даже через куртку. И уже заплакали сосульки, свисавшие с крыши административного домика. А выпавший за ночь свежий пушистый снег искрился так, что больно было глазам. Я воспользовалась очками и откинулась на скамейке, наблюдая все это великолепиие.

Только сейчас я сумела оценить истинную красоту гор. В чётких очертаниях, на контрасте с небом и солнцем, они создавали особое праздничное настроение, о котором я и не подозревала прежде. Теперь мне стала понятной строчка Высоцкого, что «лучше гор могут быть только горы». Их не описать. Их нужно видеть собственными глазами.

Тут появился Иван и повёл меня на учебный склон. Первое время он мне показывал, как нужно стоять на лыжах, тормозить, а главное поворачивать. Я послушно повторяла движения, вслушиваясь в каждое его слово:

– Давить надо голенью! Чем сильнее давите, тем лучше поворот. И не бойтесь, ничего не сломаете! Вот так! Теперь постоим немножко. Пяточку оторвите, оторвите пяточку! Вот так! Ну, а теперь, двинулись на склон.

И мы пошли к самому маленькому подъёмнику. Здесь бугели были рассчитаны на одного человека. Так что я даже почти не боялась. Инструктор отцепился, доехав лишь до половины подъёма. Пришлось и мне повторить этот манёвр, но я не была к нему морально готова и потому упала. Иван терпеливо подождал, пока я приведу себя в порядок и повторив, что и как надо делать, поехал вниз. Я глубоко вздохнула и заскользила за ним.

Получилось! У меня получилось! Было очень страшно, но я сделала четыре поворота и не упала! У меня получилось! Я была так горда собой, будто экзамен сдала.

– Вот видите! Главное, спокойствие. Тихонечко съехали, отдохнули, а теперь сами попробуйте... – предложил Иван.

Так началось моё учение. Я падала ещё много раз, но с каждым спуском во мне прибавлялось уверенности. Час прошёл незаметно.

– Ну вот, – подытожил занятие инструктор. – Теперь можете и сами потренироваться.

Я так и поступила. И накаталась до одурения...

Принимая от меня лыжи на хранение, Иван, хитро прищурившись, поинтересовался:

– Ну, как? А сегодня получили удовольствие?

– Да! – искренне ответила я и, улыбнувшись в ответ, от души поблагодарила за урок.

В чудесном настроении я, на правах завсегдатая, отправилась в кафе. А чуть попозже сюда же заявили и Влад со Стасом, разом напомнив своим появлением о жестоких реалиях. Поздоровавшись, они первым делом поинтересовались, не появился ли Сергей.

– Увы, нет, – разочаровала я их.

– А не звонил? – уточнил Влад.

– Звонил, – не стала я утаивать сие событие.

– Ну и...? – переспросил Стас.

– Да не понятно ничего, – ответила я. – Опять толком разговаривать не стал, буркнул только, что встретимся через четыре дня. Теперь уже через три. Вот и понимай его, как хочешь!

– И больше ничего? – не поверил Стас. – Так не бывает! Вы приехали отдохнуть, муж вдруг исчезает, а потом делает странные звонки. А это? У него крыша часом не поехала?

Неожиданное предположение меня озадачило. О подобном развитии событий я не подумала и потому надолго замолчала, пытаясь проанализировать оба телефонных разговора с Вер-

нищим. Однако материала для обработки было недостаточно, и я лишь недоуменно пожалала плечами.

Зато в собственной версии окончательно уверился Стас:

– Да точно говорю! Засел где-нибудь в отеле, или у знакомых и развлекается по-своему. Я слышал от кого-то, что логика психов нам не доступна... О! И это, что сумасшедшие обманывать не умеют. Так что, раз Сергей сказал, что вернётся через столько-то дней, значит так и будет. А что?

И победно посмотрел на меня и Влада.

– Сумасшедшие обманывать умеют, уж поверьте! – возразила я. – Другое дело, что этот обман можно распознать, особенно, если он касается реальных контактов больного с окружающим миром. Если же обман распространяется на сферу, где царствует логика, выдуманная болезненным сознанием, то это затруднительно. Хотя и возможно. Но здесь следует говорить уже не собственно об обмане, а о противоречиях и несоответствиях, на которые имеет смысл обращать внимание при изучении больного, чтобы понять степень его асоциальности. Вот так! А, кроме того, я не думаю, что Сергей сошел с ума.

– Понятно! – кивнул головой Стас, и поскрёб свою щетину. – А вы кто?

Судя по его глазам, он не понял моё пояснение, но насторожился. Однако, повторять мысль я не стала, а вместо этого представилась:

– В миру я психолог.

– Во, блин! С такой рожей и с психами возиться, – не сдержался Влад. – Пардон! Это я от души. Я-то думал, вы как минимум актриса какая-нибудь, или фотомоделью раньше были.

– Нет, – лучезарно улыбнулась я. – Я обыкновенный психолог.

– Ну, ничего, – утешил меня Влад, – Все равно же не бедствуете?

– Да как сказать, – уклонила я от ответа, вспомнив о вымогателях.

– В Америке вон, психологи живут просто припеваючи, – явно завидуя, произнёс Стас.

– Мы же не в Америке, – возразила я.

– Это точно, – согласился Влад. – Ну ладно, не будем вам мешать! Пойдем, покатаемся последний раз, а то когда доведётся.

– А что случилось?

– Да, тут планы изменились, – туманно ответил Влад. – Завтра придётся отчаливать.

– Что ж, – вздохнула я. – Успехов вам!

– Спасибо! Успех нам понадобится! – серьёзно ответил Влад. – Ну, а вам пожелаю, чтобы у вас всё с мужем развязалось по-нормальному. Все в порядке, значит, было.

И парни покинули кафе. А я посидела немного, размышляя над превратностями судьбы, и направилась к своему временному пристанищу. Делать мне было абсолютно нечего. Приходилось только ждать завтрашнего дня. Вот приедет Константин Эдуардович...

...И он приехал. Правда, чуть пораньше. И, едва на столе задёргался мобильник, я, почему-то сразу догадалась, что это звонит Красовский, и что он уже в Кировске.

– Здравствуйте, Валерия Михайловна! Какие у вас планы на сегодняшний вечер?

– Ой, Константин Эдуардович! – ойкнула я. – Никаких! А что?

– Тогда, если вы не против, я вас приглашаю в одно местное заведение, говорят там подают вкуснейшую сёмгу.

Я бросила взгляд на часы. Было уже пол-одиннадцатого вечера. Наедаться на ночь вредно, но жизнь вообще вредная штука.

– Сколько у меня времени? – деловито уточнила я.

– Сорок минут устроит?

– Вполне, – обрадовалась я, – только я не захватила с собой вечернее платье.

– Бросьте скромничать, Валерия Михайловна! Вы в любом наряде будете прекрасно выглядеть, – польстил мне Красовский. – Говорите адрес, куда за вами заехать...

...Ресторанчик «Имандра» работал в полузакрытом режиме. То есть, для нас он работал, но и только. В небольшом уютном зале имелась дюжина столиков, разделённых низенькими перегородками. На стенах развешены рыболовные снасти и муляжи (а может это и есть настоящие чучела?), морских обитателей. В целом здесь было довольно уютно. Тяжёлые дубовые стулья с высокими спинками, белые накрахмаленные скатерти на круглых столиках. И ненавязчивое обслуживание.

За центральным столом сидели я и Константин Эдуардович. А поближе к выходу размещалась команда из четырёх парней, сопровождавшая моего спасителя. Следовательно, их тоже можно было смело отнести к команде спасения. Никого из них я не знала, по крайней мере, не смогла вспомнить, чтобы видела прежде. Со стороны их можно было принять за спортсменов на отдыхе.

Кухня в «Имандре» оказалась выше всяческих похвал. Я уже давно в командировках обратила внимание, что зачастую вот такие местечковые кафе и ресторанчики обладают своей прелестью и обаянием. И в первую очередь благодаря шеф-повару. Здесь же особенно хороши были рыбные деликатесы. Не зря мы сюда приехали.

Сначала Константин Эдуардович подробно расспросил меня об успехах на горных склонах.

– Я так понимаю, что вы скоро примете участие в соревнованиях по большому слалому! Не так ли? – с серьёзным видом допытывался он.

– Если в судействе за каждое падение будут введены поощрительные баллы за технику и артистизм, то, пожалуй, я смогла бы рассчитывать и на призовые места, – отшучивалась я.

– Даже так? – усмехнулся Красовский. – А мне так и не довелось попробовать, что это такое – горные лыжи.

– Так зачем дело стало? – обрадовалась я. – Давайте завтра и попробуем! Там есть прокат, как костюмов, так и лыж. Без вопросов. Даже инструкторы есть! Получите массу удовольствия!

– Хм! – задумался собеседник. – Любопытное предложение. А пока вернёмся к нашей прозе. От мужа новых известий не поступало?

– Нет, – сникла я.

– Когда должны звонить похитители?

– Поезд приходит днём, плюс час времени, пока сюда добраться. То, сё. Я думаю, что раньше пяти часов вечера они звонить не будут, – подвела я итог размышлениям.

– Что ж, значит, у нас есть несколько часов форы, чтобы попытаться их вычислить, – подмигнул мне Константин Эдуардович.

– А здорово вы сделали, что на самолёте прилетели. Я даже и не подумала, что можно до Мурманска долететь, а оттуда взять машину. А вы привезли деньги? – улучив подходящий момент, уточнила я. – Или есть другой способ освободить Сергея?

– Разумеется, привезли, – успокоил меня Красовский. – Нужно быть готовым ко всему. И в связи с этим, у меня к вам несколько вопросов, не терпящих отлагательства. Вопрос первый. Есть ли у вас, или у Сергея, хотя бы отдалённые связи с этим городком?

Я честно для очистки совести порылась в памяти и отрицательно покачала головой.

– Вопрос второй, расскажите поподробней, кто из вас решил сюда поехать, почему. Кто вам посоветовал снять эту квартиру и почему.

Наверное, со стороны я выглядела как школьница-отличница, чрезвычайно старавшаяся понравиться новому учителю. Думаю, в тот вечер меня можно было считать образцом чёткости и лаконичности.

– Поехать на горнолыжный курорт было общим решением. Что отправимся именно в Кировск, я решила уже после Нового года. Мне его посоветовала одна старинная подруга. Мы с ней вместе в школе учились. Сейчас она работает врачом в поликлинике. Эта квартира, в свою

очередь принадлежит её знакомой, с которой моя подруга вместе училась в педиатрическом институте. Я согласилась на этот вариант из экономических соображений.

Константин Эдуардович скрупулёзно выудил из меня имена, пароли, явки подруги и ее знакомой, пояснив при этом:

– Видите ли, Валерия Михайловна. Общий расклад выглядит следующим образом. Похищение – довольно длительный процесс, требующий подготовки. Следовательно, маловероятно, что на это сподобились местные кадры. Значит, похитители скорей всего из Петербурга. Сколько их может быть, не представляю. Но, если судить по требуемой сумме, я могу сделать следующие выводы. Вряд ли их больше, чем четверо. Скорее всего, двое или трое. Далее, это их первое похищение. Потому что сумма не очень большая. У них пока не разыгрался аппетит, и они не поверили в собственную удачу и безнаказанность. Осторожничают. Теперь, вопрос, кто бы это мог быть? Прошу обратить внимание, что похитители выбрали в качестве жертвы – вашего мужа, а в качестве разрабатываемого фигуранта – вас. Заметьте, не наоборот. Это резко сужает круг наших подозрений. Кто-то из похитителей, или лично знаком с вами, или смог собрать сведения о вас через посредника, который опять-таки хорошо знаком с вами обоими. Сюда хорошо укладывается следующий момент. Вы приняли решение о поездке сюда примерно полтора месяца назад. Десять к одному, что похитители сразу же узнали о сроках вашей поездки и соответствующим образом подготовились. А, кроме того, они явно предполагали, что вам окажут помощь. То есть, этим людям, по крайней мере, известно о том, что вам покровительствует некто, не стеснённый в средствах. И теперь, вопрос номер три. Кто, кроме вас лично, вашего мужа, вашей дочери и вашей кошки обладает всей этой информацией?

И он передал мне красивую перьевую ручку с блокнотом.

Тут я тяжело задумалась. Константин Эдуардович терпеливо ждал. Результат размышлений уложился в список из десяти фамилий.

– Многовато, – заметил Красовский, разглядывая фамилии. – Боюсь, не успеют мои знакомые прокачать это за завтрашний день. Ну да ладно, попытка не пытка, – заметил он, закрывая блокнот и убирая его к себе в карман. – А мы пойдём другим путём.

Посиделки наши все больше превращались в форменный допрос, но поскольку я была лицом крайне заинтересованным, то и не возражала. Тем более, Константин Эдуардович знал толк в ведении допроса. В промежутках между вопросами он так галантно ухаживал за мной, что я бы, пожалуй, раскололась перед ним и в вопросах более интимного характера.

Но, он придерживался заданной темы и не отступал ни на йоту.

– А теперь, пожалуйста, постарайтесь припомнить в точных выражениях все ваши разговоры как с мужем, так и с похитителями. Говорите всё! Что вам показалось необычного. Ну, вы понимаете.

И я в лицах пересказала эти звонки. По мере моего рассказа лицо Константина Эдуардовича все более вытягивалось:

– Очень интересно! Прошу прощения, но у меня складывается странное впечатление, что ваш муж во всем этом замешан.

– Как это? – не поняла я.

Он покусал губы и нехотя объяснил:

– Это похоже на лжепохищение. То есть, вполне возможно, что вас просто разыгрывают...

– Нет! – я мгновенно поняла о чем речь. – Этого не может быть! Сергей не мог в этом участвовать.

– Хорошо, хорошо! – шутливым жестом защитился от меня Красовский. – Это всего лишь предположение. Как скажете, это ваш муж, в конце концов. Вам и решать. Кстати. Когда вы ехали в поезде сюда, не показался ли вам кто из пассажиров подозрительным? Не встречали ли вы в последующие дни кого-нибудь из этих пассажиров?

– А как же! – спохватилась я. – С нами в купе ехали два парня. Вроде бы частные предприниматели. По крайней мере, они так представились. А потом я два раза встречалась с ними на базе, в кафе. Они тоже горнолыжники. Они ещё Сергея в поезде напоили, как раз перед приездом в Апатиты. Только они уже попрощались со мной. Они завтра уезжают.

– Так, – мгновенно посерьёзnel Константин Эдуардович. – А вот с этого момента поподробнее. Как выглядят, как зовут, о чем шли разговоры.

И я выложила про Стаса и Влада все что могла.

– Ладно, хватит о делах, – спохватился Красовский. – Так можно и пищеварение испортить. Давайте-ка, я вам лучше расскажу свежие байки из жизни питерских депутатов...

ГЛАВА 4

... Уже когда мы подъезжали к дому, я спросила Константина Эдуардовича:

– Так как? Мы катаемся завтра на лыжах?

– Легко, – ответил он. – Я заеду за вами часов в десять.

Я попрощалась с ним, и джип с мурманскими номерами вскоре скрылся в ночи. В квартире всё было без изменений. Там, за окном, скрытая темнотой, высилась гора, только сейчас я её не боялась ни сколочко. Потому что теперь была не одна...

... Утром я вскочила как по тревоге и за пять минут до назначенного времени была полностью одета. Я даже сама удивилась, как это так вышло. Но факт остаётся фактом. Когда джип Красовского подъезжал к подъезду, я уже выходила на улицу.

Сегодня Константин Эдуардович встретил меня без сопровождения.

– Доброе утро, – поздоровалась я с ним, залезая в машину. – А где эскорт?

– Доброе утро, Валерия Михайловна! У вас отличный костюм! И он очень вам идёт.

Я тут же расплылась от удовольствия.

– А ребята работают, – как-то неопределённо пояснил он, и мы поехали кататься.

На правах более опытного товарища я взялась опекать Константина Эдуардовича. Познакомила его с Иваном, который с ходу предложил хорошие лыжи и яркий красно-белый комбинезон с курткой. А чуть погодя я выступила в роли инструктора. К чести ученика, он оказался необычайно восприимчивым и мгновенно понял, что от него требуется. Так что, под конец первого часа нашего пребывания на учебном склоне наши роли поменялись. Он довольно свободно скользил вниз, а потом следил, как я барахтаюсь в снегу после очередного падения.

– Мне так нравится смотреть, как вы падаете, – признался он мне после очередного спуска.

– Ну, спасибо, – фыркнула я.

– Нет, правда! – не смутился он. – Многие люди падают некрасиво, я бы сказал, не артистично. Когда они падают, окружающие над ними смеются. Я считаю, что падать нужно уметь. А вот вы падаете так трогательно, что хочется тут же броситься вам на помощь. Будь я режиссёром, я бы вас пригласил на роль хотя бы по этому. Я бы ввёл в сценарий эффектную сцену погони по занесённому снегом ущелью. И вы бы обязательно долго падали, кувыряясь, как подраненная птица, по склону и, в конце концов, затихли у ног влюблённого в вас героя. Уверю, зрители бы плакали навзрыд...

Но тут в его кармане зазвонил мобильный телефон и он поневоле отвлёкся. А я задумалась, как это заявление расценивать? Как шутку, или комплимент?

– Валерия Михайловна! Если вы не против, может быть мы съездим на вокзал? Посмотрим, нет ли среди отъезжающих ваших попутчиков, – предложил он, закончив разговор.

Пришлось поспешить, но все же мы успели в срок. Поезд только подходил к перрону, а я уже убедилась, что Стаса и Влада среди пассажиров нет!

– Значит, нам суждено встретиться с ними, – задумчиво проговорил Константин Эдуардович.

– А вот и не обязательно, – возразила я ему. – Они вполне могли, вашим же путём, уехать на машине в Мурманск. Может быть, у них там дела. Они же мне не говорили, что возвращаются именно в Питер.

– Может быть, может быть, – рассеянно отвечал мне Красовский.

– А что мы теперь делать будем? – поинтересовалась я.

– Отдыхать, – улыбнулся он. – Конечно, если вы вдруг захотите сидеть неотлучно у телефона, и нервно заламывая руки, ожидать звонка похитителей, то я препятствовать вам не стану.

Однако, посещение вчерашнего рестораника, думаю, более благотворно скажется на вашем самочувствии. Ну, а там по обстоятельствам.

И мы вернулись в Кировск. Вот только предложенные в «Имандре» шашлыки из осетрины и запечённые перепела не отвлекли меня от грустных мыслей о Сергее. Вполне возможно, что он сидит, прикованный к батарее наручниками, в доме, напротив ресторана. Голодный, грязный, может быть, даже его били. А мы здесь лакомимся деликатесами. А с другой стороны, что мне теперь из солидарности в рубище переодеться и голову пеплом посыпать? Это глупо. И я сосредоточила своё внимание на десерте.

Обед плавно растянулся во времени до вечера, и настала пора ехать домой. Константин Эдуардович решил составить мне компанию. С собой он прихватил из джипа не замеченный мною прежде кейс.

Сегодня я впервые увидела Красовского изумлённым. Он остановился перед входной дверью, как перед произведением искусства.

– Однако! ЭТО следует рассматривать не более, как условный символ, нежели реальную преграду, – он немного помолчал и добавил: – Валерия Михайловна! Я сейчас осмотрю вашу квартиру на предмет поставленных «жучков».

Я тихо-тихо открыла дверь, пропустила гостя вперёд, и вслед за ним на цыпочках вошла в коридор. Мы разделись в режиме сохранения тишины, что придавало нашим действиям ореол таинственности и заставляло кровь быстрее бежать по жилам.

Уже в комнате Красовский занялся таинственными манипуляциями. Он вытащил из кейса какой-то смешной приборчик и стал им водить по сторонам. Довольно скоро я поняла, зачем эта игрушка и отправилась на кухню поставить чайник.

Вода уже вскипела, а Константин Эдуардович возился, имитируя шпионскую деятельность.

Наконец, удовлетворившись изучением моего временного жилья, он пришёл на кухню, уселся за стол и, достав блокнот, принялся в нём что-то писать. Писал не очень долго, зато без перерыва. А под конец показал мне запись.

Два листка были исписаны очень красивым, каллиграфическим почерком. Буквы ложились одна к одной, без отрыва, легко читались и имели яркие индивидуальные черты, выжавшиеся в завитках и некоторой изломанности.

На начертание букв явно оказало влияние знакомство с готическим шрифтом. Ну да, он ведь много работал за границей. Живи Константин Эдуардович лет на двести пораньше, быть бы ему с такими талантами придворным писцом.

«Валерия Михайловна! Результаты обыска дали положительный результат. В вашей куртке я обнаружил радиомаяк, но решил оставить на месте. Пусть те, кто его поставил, не подозревают, что мы их раскусили. И хотя в квартире жучков не найдено, предлагаю разговоры вести только на отвлечённые темы».

Я согласно кивнула головой и стала разливать чай, но в этот момент зазвонил телефон. От испуга я вздрогнула и чуть не выронила чайник. Хорошо, что Константин Эдуардович мгновенно среагировал и успел придержать его за доньшко.

– Ничего страшного, – прокомментировал он, ставя чайник на стол. – Это просто телефон.

И мы поспешили в комнату. Оказалось, что телефон, пока я сидела на кухне, подвергся небольшой модернизации, и теперь из него торчало две трубки. Я удивлённо посмотрела на Константина Эдуардовича, но он невозмутимо протянул родную трубку мне, а сам приложил к уху вторую.

Я, затаив на секунду дыхание, постаралась его выровнять и спокойно произнесла:

– Аллю!

– Ну что, раз какой-то хмырь ошивается рядом с тобой, значит деньги на месте? – раздался «знакомый» металлический голос.

– Да, – злобно бросила я в ответ.

Ничего себе наглость – Константина Эдуардовича назвать хмырём. Но он это оскорбление воспринял совершенно спокойно, словно бы и не о нем разговор.

– Замечательно. Тогда отдыхай. А завтра, ровно в десять я свяжусь с тобой. Да, кстати, дай-ка номер своего мобильного. Будешь по нему получать дальнейшие инструкции.

Я вопросительно взглянула на Красовского. Он досадливо поморщился, но все же кивнул утвердительно головой.

– Сейчас, – ответила я и продиктовала номер.

– Умница. С тобой приятно иметь дело. И обязательно прихвати хмыря, чтобы он рядом был. Поняла? Кстати, он откуда у тебя? Из Мурманска что ли?

Красовский часто-часто закивал, и я подтвердила «догадку» похитителя, а потом потребовала:

– Дайте мне поговорить с мужем. Без этого я вам денег не передам.

– Тю, скаженная! – засмеялся металлический голос и от этого: от его смеха, от того, что он сказал это по-украински, стало так неприятно, что я вся покрылась мурашками. – Фильмов насмотрелась никак? Запомни, у тебя есть только один шанс увидеть мужа живым. Это произойдёт только в том случае, если ты будешь выполнять все мои приказы быстро и беспрекословно, как в армии. Не обсуждая, не размышляя и не распуская нюни. Если же по твоей вине, или вине твоего хмыря, что-то сорвётся, то, запомни, второй попытки не будет.

И на том конце провода раздалась гудки.

Я положила трубку и беспомощно посмотрела на Константина Эдуардовича. Похититель разговаривал со мной так, будто начальник подчинённому позвонил и велел в выходные явиться на работу. Я это отчётливо почувствовала даже через «металлический» тембр.

– Они и вправду могут убить Сергея?

– Могут, – нехотя признал Красовский.

И я застыла от этих слов. Нет, я не заплакала (слез почему-то не было). Я просто перестала понимать, что происходит. За окном резко повалил густой снег – фонари хорошо освещали крупные хлопья, летящие к земле. Гулко хлопнула входная дверь подъезда, и послышался тяжёлый топот, словно человек специально старался создать как можно больше шума. За стеной громко расхныкался младенец. А в это время Серёжке грозила ужасная опасность. Он мог умереть, причём не на войне, не в результате катастрофы, а по прихоти каких-то выродков.

И я затосковала, ну почему это происходит со мной? Как же я буду дальше жить без Серёжки? Хотя тут же опомнилась, что правильнее было бы жалеть не себя в этой ситуации, а мужа. Ему-то всяко хуже, чем мне. Да уж. Вот и выходит, что мало толку с того, что я психолог? Ведь вот случилась непредвиденная ситуация, и я повела в ней себя точно так же, как любой из моих клиентов, а именно, – заиклилась на собственной персоне.

Тут меня потеревил за рукав Константин Эдуардович. Он опять протянул мне блокнот с записью.

« Валерия Михайловна! Не беспокойтесь. Все будет хорошо! Мы передадим им деньги, установим, кто они. И начнём действовать только после того, как они освободят вашего мужа. Расслабьтесь».

С этими словами он включил для меня телевизор, а сам отправился в ванную комнату. Вскоре я услышала, как там зашумела вода. Почему-то я сразу догадалась, что этим шпионским способом Красовский хочет скрыть от теоретического «жучка» телефонный разговор.

Минут через пять он вернулся и преувеличенно бодрим голосом заявил:

– Ну что ж, раз от похитителей инструкции получены, то вряд ли они будут нам сюда перезванивать. Тем более что у них теперь есть номер вашего мобильного телефона. Поэтому

имеет смысл распорядиться имеющимся у нас свободным временем с пользой. Вы играете в бильярд?

Сначала я чуть не воскликнула, какой бильярд, когда мой муж в беде, но мгновение спустя вынуждена была признать правильность выбранной тактики.

– Нет, но всегда хотела научиться.

– Тогда вперёд! – скомандовал Константин Эдуардович.

И мы отправились в местный центр развлечений «Большой Вудьявр».

Увы, увы, увы! Надо сказать, что я проявила редкостную невосприимчивость к правилам этой благородной игры. Мне все время казалось, что гораздо лучше кием тыкать в нужный шар, чем бить по нему издали. Но Красовский терпеливо прививал мне навыки обращения с кием.

Тем не менее, шары у меня устремлялись туда, куда хотели, вопреки моим желаниям. А если я была сильно, то вообще норовили выпрыгнуть за пределы стола. Но в целом игра мне понравилась. Особенно то, что здесь можно было курить, и неспешно обходить вокруг стола, прицениваясь к расположению шаров. Кий я использовала в качестве трости, а в свободной руке держала бокал с мартини.

Только вот, в конце концов, я умудрилась так ударить кием, что пропорола сукно в самом центре стола. Тогда, от греха подальше, мы переключились на другую игру, с более крупными шарами. Но боулинг мне не понравился – приходилось принимать какие-то дурацкие позы. В бильярде другое дело, там можно подать себя в выигрышном свете, но я не рискнула предлагать перейти за новый стол, справедливо опасаясь, что моя неловкость опять приведёт к плачевному результату и Красовскому придётся оплачивать ремонт сразу двух столов.

Поэтому я мужественно терпела, не показывая вида, пока чуть не вывихнула себе руку. Лишь после этого мы перешли к более пассивному времяпрепровождению. Сначала Константин Эдуардович совершил со мной небольшую экскурсию по залу, где собрались любители азарта. И хотя я уже закончила написание диссертации, но решила, что лишний раз взглянуть на объект своих исследований никогда не помешает.

Но люди есть люди, порок есть порок, что на Востоке, что на Западе, что на Севере. Так что ничего нового я не почерпнула. Зато Константин Эдуардович с лихвой компенсировал свой убыток (за испорченное сукно бильярдного стола) за картами.

Когда он, вполне удовлетворённый часовым сидением за столом, наконец, поднялся и отправился к кассе за выигрышем, я спросила его, где он так научился выигрывать.

– О! В молодости я этому занятию посвятил немало времени. А во времена незабвенной учёбы, у нас даже целый курс был, посвящённый карточным и азартным играм. Все как полагается, с практическими занятиями, – отвечал он. – Кроме того, однажды я был учеником одного карточного гуру. Правда, не в России. Конторе пришлось тогда раскошелиться. Зато приобретённые навыки позволили мне выполнить одно деликатное задание.

– Ой, а расскажите о чем-нибудь из своей секретной жизни, – попросила я уже в ресторане. – Страшно хочется что-нибудь узнать. Правда!

Но тут замаячил поблизости официант, и Константин Эдуардович отвлекся на заказ ужина.

– Извольте, – после вынужденной паузы согласился он. – Как раз о моем ученичестве. Дело происходило в Англии в конце восьмидесятых годов. К нам поступила информация, что в одном английском институте проводятся исследования, представляющие для наших военных необычайный интерес. В результате, через полгода, был выявлен единственный полезный кандидат на разработку. За ним следили, составляли психологические портреты, но всё без толку. Кремень, а не человек. Этаким self-made man.

– Что-то типа тургеневского Базарова? – высказала я догадку.

– Именно, – кивнул головой Константин Эдуардович. – То, что мы ему могли предложить, его не интересовало. Он был богат, умён, примерный семьянин, благородных кровей. Но, по счастью, стало известно, что он заядлый картёжник. Вот на этом наше руководство и собралось сыграть. Однако, вскоре стало ясно, что он очень сильный игрок. И тогда было решено, что я возьму несколько уроков у какого-нибудь мастера своего дела и потом попрактикуюсь на этом учёном. Сколько денег пошло на моё обучение, а я учился почти год и учил меня один джентльмен, чемпион Англии в покер, а по совместительству шулер международного класса, лучше не вспоминать. Разумеется, параллельно осуществлялось моё внедрение в круг знакомых и приятелей этого учёного. И, наконец, операция вошла в заключительную фазу. Мы встретились с ним за столом, уже будучи шапочными приятелями. За нашей игрой наблюдало немало глаз. Это была публичная игра. Короче, он проигрался в пух и прах, задолжав при этом огромную сумму. Если бы я взыскал ее с него, он бы разорился. Кроме того, он очень любил свою семью, и ужасно дорожил своей репутацией. Так что, даже мысль о возможности не расплатиться с карточным долгом для него была хуже мысли о самоубийстве.

Константин Эдуардович немного помолчал, дав возможность официанту накрыть стол, и вновь продолжил рассказ:

– Не правда ли, как странно? Понятие долга более всего блюдут в консервативных обществах, вернее в наиболее консервативных слоях, или группах общества. И как в этом перекликаются английские аристократы и российские уголовники. И те, и те страшатся нового, крепко держатся своих традиций, в число коих входит и слово чести, и карточный долг. Хотя, по сути, эти группы являются антагонистическими. Зато для какого-нибудь нувориша, или олигарха (на российский манер), да просто – для предпринимателя Пупкина зачастую держать слово совершенно необязательно...

– А что было дальше с тем учёным? – попыталась я вернуть мысли Красовского в прежнее русло.

– Будучи прагматичным человеком, он согласился сотрудничать с нами, правда, думая, что я из «Моссада». Так что, Контора, заплатив за моё обучение, с лихвой сэкономила на этом учёном. Он ведь фактически отрабатывал карточный долг. Наши спецы весьма обрадовались поступившим сведениям. Думаю, что человек десять тут же защитили диссертации по закрытым темам. А потом наступил девяносто первый год, и это направление в скором времени было закрыто как бесперспективное. Вот такие пироги. Зато с тех пор я являюсь в некотором роде профессионалом в карточных играх, особенно в тех, где требуется склонность к аналитике и математические способности.

Закончив свой рассказ, он виновато улыбнулся, как бы извиняясь за то, что сам себя расхвалил. И тут я, не выдержав, задала вопрос, который мучил меня уже полдня:

– Константин Эдуардович! А вам удалось что-нибудь выяснить о похитителях?

– Пока нет, – честно признался он. – Но могу сказать одно, хотя модулятор и изменял голос похитителя, кое-что я понять сумел. Он абсолютно спокоен, как будто ему ведомо будущее, или у него на руках все козыри. С одной стороны, это хорошо, потому что снижает риск немотивированного убийства вашего мужа, с другой стороны мне непонятно, что они нам приготовили. Слишком мало времени, чтобы я мог просчитать. Так что завтрашние действия я больше планирую в режиме преследования, чем упреждения.

Мы немного посидели, а потом Красовский проводил меня до квартиры...

ГЛАВА 5

Будильник не сработал, и потому меня разбудил не он, а телефонный звонок Константина Эдуардовича, напомнившего мне о предстоящих событиях. Я глянула на циферблат и ошалела. Уже пошёл десятый час.

Пришлось все делать впопыхах, хотя я ненавижу собираться в ускоренном режиме. Макияж – это дело, не требующее суеты и форс-мажорных обстоятельств.

Я знаю, часы придумали мужчины! Если бы сейчас был матриархат, то первым делом под бульдозер пошли все часы. Вы кстати видели часовщика – женщину? Не на фабричной сборке, а в часовой мастерской? Не видели? И я не видела. Потому что часы – это враги женщин! И с этими врагами нам приходится мириться из-за мужчин.

Так что мне пришлось пить чай и одновременно завивать волосы. А это никуда не годится! Я прижгла себе щипцами шею, а потом и висок. В общем, когда затренькал дверной звонок, я пребывала в самом дурном расположении духа.

– Доброе утро, Валерия Михайловна! Надеюсь, что оно для нас будет действительно добрым, – поздоровался Красовский, целуя мне руку.

Я тут же отрефлексовала на это прикосновение как собачка Павлова, привычно обмякнув (правда внешне постаралась этого не показать) и, улыбнувшись, ответила, что вручаю судьбу своей семьи в его руки.

В это время Константин Эдуардович раскрыл кейс, принесённый с собой:

– Вот, здесь лежит ровно сто тысяч долларов, как они и просили.

В чреве кейса сиротливо лежали десять пачек новеньких стодолларовых купюр – эквивалент жизни моего мужа. Почему-то это напомнило мне сказки о Кашее Бессмертном. Смерть его в ларце и так далее. А здесь жизнь Сергея по сути хранится в «дипломате».

И тут позвонил похититель:

– Ха-ха! Вот и первое задание. Одевайся-ка ты, подруга, в горнолыжный костюм, бери под руку своего хмыря и дуй на базу. Если через полчаса я не вижу тебя там, сделку буду считать аннулированной.

Пришлось подчиниться, хотя я и стала подозревать, что задумана какая-то хитрая махинация. Но свои мысли я оставила при себе. Конечно, времени на сборы похититель мне почти не оставил, но все же мы успели вовремя. Едва мы поднялись к административному домику, рядом с которым стоял сломанный ратрак, как вновь дал о себе знать похититель:

– Молодец! А теперь получай свои лыжи и бери билет на «Латвию», а хмырь твой пусть остаётся внизу, и стоит неподвижно у ратрака. Чтобы я его мог видеть, пока ты будешь подниматься на склон. Всё, действуй.

Я повторила полученную инструкцию Константину Эдуардовичу и от себя добавила:

– Что делаем? Ведь он явно решил взять деньги наверху!

Но мой спутник уже что-то решил про себя и, улыбнувшись, сказал:

– Все хорошо, пойдёмте лучше переодеваться!

И мы направились в пункт проката. Пока я брала свои лыжи, Красовский успел договориться с каким-то инструктором, похожим на него по телосложению, и за пятьсот рублей тот согласился постоять у ратрака в течении получаса. Константин Эдуардович отдал ему свою куртку, а сам взял тот же, что и в прошлый раз, яркий красно-белый комбинезон. Ну и для полного комплекта – лыжи.

– Вы что? – воскликнула я. – Тоже хотите подняться? Это же «Латвия»! Там один спуск наверняка больше километра!

– Замечательно! Вот мы и проверим себя! Пошли на пользу уроки или нет! Итак, Валерия Михайловна! Вы сейчас выйдете с моим двойником и, оставив его, отправитесь на склон. Я

тронусь за вами чуть позже. Надеюсь, что жадный до денег деятель следит за нами из бинокля и не заметит подмены. Не паникуйте и ничего не бойтесь. Вы правы, очевидно, что передача денег пройдёт наверху. Нам главное его увидеть. А уж внизу его ребята поведут.

Мой мобильник опять ожил:

– Ну, что такое? Почему я никого не вижу у подъёмника?

Но я не растерялась:

– Сейчас иду, просто у меня крепление на лыже разболталось, и его мастер подтягивает.

– Давай в темпе! – приказал похититель и отключился.

Я сунула за пазуху свёрток с деньгами, а чуть погодя из подсобки вышел двойник Красовского, и мы с ним под руку вышли наружу. В кассе я купила один билет на «Латвию» и, изобразив трепетное прощание у ратрака, отправилась в одиночестве к подъёмнику.

Мне повезло. Как раз передо мной в очереди оказалась такая же, как и я, одинокая лыжница и мы с ней составили удачную пару на бугеле. Добравшись до конца подъёма, я сумела сохранить равновесие и не упала.

Вот это да! Я оглянулась вокруг и застыла в восхищении! База скрылась от нас, ее заслонил выпуклый склон горы. Лишь вдалеке просматривался Кировск, но расплывчато, скрытый лёгкой дымкой.

А вокруг простиралась невероятная картина: заснеженные горы, синее небо и много солнца. А какой воздух! Я даже поневоле задышала полной грудью! Все так, как я мечтала. Вот только забралась я сюда не видами любоваться, а выкуп отдавать. И похититель не заставил себя ждать. Я вытащила из кармана беснующийся мобильник и вслушалась в очередные указания:

– Повернись к солнцу спиной. И начинай подъем на гребень. Понятно?

– Но я не могу, – возразила я. – Я же на лыжах.

– А ты лыжи-тоними и возьми в руки. Короче, там выйдешь на большой камень. Не ошибёшься. Он один такой. Зайдёшь за него и увидишь деревянный ящик. Вот в него и положишь деньги. Ясно? Действуй.

– А как же мой муж?

– Как только я проверю полученные деньги, так сразу и отпущу твоего мужа, – ответил вражина. – Так что, часа через два ты с ним встретишься. Ну все, вперёд. Клади деньги и сваливай вниз!

– Но... – хотела я возразить.

– Никаких «но»! – рявкнуло в трубке. – Катишься вниз и там со своим хмырём не тусуешься, а валишь домой, и ждёшь мужа.

И вот тут началась каторга. К проклятому камню не было протоптанной дорожки, и я двинулась по целине, проваливаясь только что не по пояс. А на мне – ботинки, а в руках – лыжи с палками. Может быть, преодоленное расстояние было с километр, а может – двадцать метров, я не поняла. Но похудела килограмм на пять – это точно.

Едва я выбралась на небольшую, более-менее ровную площадку, как обнаружила сразу за ней громадную глыбу. Интересно, какой Сизиф её сюда закатил? Впрочем, мне было уже все равно. Отыскав торчащий из-под снега ящик, я обессиленно прислонилась к камню и, вытащив телефон, позвонила Константину Эдуардовичу, скрытому от меня мощным снежным валом. Коротко отчитавшись о своей «экспедиции», я поинтересовалась, что же мне делать.

– Всё, как велел похититель, – отвечивал мне руководитель операции. – Кладите деньги и спускайтесь.

И тут во мне разыграло ретивое:

– Нет! Я остаюсь здесь!

И прервала разговор. А сама принялась осматриваться. Я пока не понимала, что буду делать, но и просто так отдавать деньги не собиралась.

До вершины, оставшейся сбоку, оставалось приличное расстояние, зато я сейчас как раз стояла на перевале, и теперь моему взору открылся противоположный склон горы. А за ним простиралась небольшая долина, за которой опять возвышались горы. Поблизости не было никого, зато метрах в трёхстах от меня несколько человек карабкались вдоль гребня к вершине. Вряд ли они имели ко мне отношение. И уж совсем далеко виднелся злополучный Южный склон. Лыжники на нем отсюда вообще казались точками. Я немного поосматривалась, затем вытащила деньги и положила их в ящик. Жаль, конечно, не догадалась попросить у Константина Эдуардовича пистолет. С ним было бы надёжнее. Хотя зачем он мне, раз я все равно стрелять не умею? В это время, прервав мои раздумья, зазвонил мобильник, но это оказался Красовский:

– Валерия Михайловна! Немедленно спускайтесь!

Но я ответила коротко:

– Не занимайте линию.

И нажала красную кнопку. И тут же телефон вновь завибрировал. Теперь меня беспокоил настоящий враг:

– Ну что такое опять? Не хочешь расставаться с деньгами?

– Не хочу, – честно ответила я.

– Понимаю, – отозвался он. – Но ничего не поделаешь. Уходи.

– Не уйду, – огрызнулась я.

– Не понял? – изумился похититель. – Ты что, взбунтовалась? Последний раз говорю, немедленно спускайся вниз!

– Нет, – ответила я.

А у самой сердце так и ухнуло в пятки, неужто я окажусь неправой в своих предположениях?

– Спускайся, – сердито рявкнул вымогатель.

Но даже через металлический тембр я ощутила его растерянность и начала свою игру:

– Послушай меня, ты, трус. Я здесь одна и без оружия. Мне просто хочется взглянуть в твоё лицо, чтобы удостовериться, что ты не врёшь, и с моим мужем ничего не случится. И тогда ты сможешь забрать деньги, жалкое ничтожество. Или ты смелый только исподтишка?

– Хорошо, – после некоторого размышления ответил он. – Отойди от камня на десять метров и жди.

Я отступила шагов на пять от ящика, а заодно позвонила Константину Эдуардовичу, чтобы он не беспокоился.

– Так, я сейчас поднимусь к вам, – немедленно отреагировал он.

– Ни в коем случае, – испугалась я. – Лучше давайте сделаем так. Как только он заберёт у меня деньги, я тут же сообщу вам.

И наступило затишье перед бурей. По крайней мере, мне так казалось, хотя здесь дул пронзительный ветер. Вокруг ослепительно сверкал искрящийся на солнце снег, так что я не могла снять очки. Сердце колотилось так отчаянно, будто хотело выбраться наружу. Но я застыла на месте, решив, что это будет моя последняя линия обороны, и приготовилась ждать.

Я почему-то решила, что за выкупом явится Влад, и мне очень захотелось посмотреть ему в глаза. Интересно, откуда он может появиться?

Как раз к этому времени лыжники, штурмовавшие вершину, достигли своей цели и теперь один за другим устремлялись вниз. Как это было красиво. У них это получалось так изящно, так здорово, что я поневоле засмотрелась.

Между тем они стремительно приближались, и я, к стыду своему, поняла, что это сноубордисты, а не лыжники. Вот первый обогнул камень, и быстро скрылся из глаз. Один за другим сноубордисты проносились мимо, взметая в воздух снежную завесу, и уходили вниз. И только скрип и шорох сминаемого доской снега нарушал тишину.

Как я им завидовала в этот миг. Весёлые, довольные собой и жизнью, они пролетали мимо яркими цветными пятнами.

И уж так мне захотелось устремиться вслед за ними и забыть весь этот кошмар последних дней, что я осталась на месте лишь волевым усилием. И в этот момент произошло невероятное. Сноубордист, спускавшийся последним, вдруг так резко затормозил перед камнем, что меня обдало волной взметнувшегося в воздух снега.

«Ну, дурак!» – подумала я, отряхиваясь и протирая очки. – «Ведь легко мог на камень налететь».

И взглянула на неумеху.

Однако тот не выглядел смущённым. Если уж быть точной, он больше выглядел как инопланетянин: на разукрашенной доске, в синем комбинезоне и шлеме с черным забралом.

И тут сноубордист сноровисто вынул из ящика пакет с деньгами, спрятал за пазуху и, сделав рукой прощальный жест, устремился прочь от камня. Только не вслед за своими товарищами, в сторону базы, а на противоположный склон.

– Эй! Ты что делаешь? – растерянно крикнула я ему вслед.

И только потом поняла, что это не случайность, что меня только что нагло обманул похититель. Черт! Все пропало! Красовский и его люди устроили засаду со стороны базы, а он уходит совсем в другую сторону. И остановить его некому. И тогда, сделав короткий звонок Константину Эдуардовичу:

– Деньги у меня забрали! Преследую противника!

Я устремилась в погоню! Опыта у меня было в общей сложности – несколько часов на учебном склоне, да десятка три падений на Южном. К тому же здесь была настоящая целина. Может быть, мастер здесь бы и проехал. Но я-то не мастер.

К тому времени, как я встала после второго падения и, отряхнувшись от снега, подобрала разбросанные лыжи, синее пятно уже давно превратилось в юркую точку. С места моего падения открывался хороший обзор на происходящее внизу, и я осознала всю тщетность своих усилий. Похититель уже достиг подножия горы. И там его поджидал сообщник на снегоходе. Взревел мотор, взметнулся снег, и погоня стала абсолютно бесцельной. Я проиграла – оставалось только позвонить Константину Эдуардовичу. Я сунула руку в карман, и с ужасом обнаружила, что мобильник выпал в одно из моих злосчастных падений. Это был сильный удар. Теперь мне оставалось вернуться обратно и отчитаться о проваленной работе.

Так я и поступила. Только встретила с Константином Эдуардовичем не у подъёмника, а чуть раньше – у каменной глыбы, рядом с которой и разыгралась драма.

– Что... случилось?... Почему... вы не отвечали... по телефону? – задыхаясь после тяжёлого подъема, спросил Красовский.

– Поте... ряла..., – также хватая ртом воздух, отвечала я.

– А где... похититель?..

– Вон там..., – махнула я рукой в сторону долины. – Его на снегоходе... напарник поджидал...

– Вот черт, – прислонился Константин Эдуардович к камню и усмехнулся. – Хороший ход!.. Вам удалось взглянуть в его бесстыжие глаза?

– Нет, – я уныло повесила голову. – Все произошло так внезапно, и он был в шлеме.

Красовский достал телефон и стал давать инструкции своим ребятам. Но, судя по его тону, это он устроил маленькое шоу для меня, чтобы я не расстраивалась раньше времени, нежели для пользы дела. Он явно не верил, что его ребята сейчас, по горячим следам, сумеют что-то сделать. По крайней мере, не верила я.

Мною овладели протрация и ужасная слабость, так что я просто уселась на снег и, упёршись подбородком в колени, уставилась вдаль. Мой спутник пристроился рядом.

– А хорошо здесь! Очень даже хорошо! – через несколько минут высказался об открывающихся видах Константин Эдуардович. – Откровенно говоря, я очень рад, что благодаря вам нахожусь здесь! В противном случае я бы сейчас сидел в кабинете и смотрел в окно на унылую петербургскую зиму с ее слякотью.

Я несколько опешила от его жизнерадостного настроения.

– Не знаю, не знаю, – покосилась я на него. – Я бы предпочла вообще не ездить сюда, лишь бы не было всего этого кошмара.

– Какого кошмара? – удивился он. – Истории с похищением, что ли? Лично я рассматриваю это больше как приключение, внесшее струю свежего воздуха в моё рутинное существование.

– Ага, – обиделась я. – Я бы посмотрела на вас, если бы вашего мужа похитили! Вряд ли бы вы тогда охарактеризовали сей казус приключением.

– Мужа? – усмехнулся Константин Эдуардович, затем он посерьёзней и повернулся ко мне. – Валерия Михайловна! Я буду с вами откровенен! Все происшедшее лишь утвердило меня во мнении, что вы в центре масштабной инсценировки. Девяносто девять процентов за то, что ваш муж является активным участником всего этого спектакля. Поэтому, когда мы спустимся вниз, не позднее сегодняшнего вечера он объявится с готовой версией своего похищения. Он станет изображать из себя героя, который сумел вычислить, где его держали, даст очень чёткие портреты похитителей. Одним словом вывалит на нас кучу правдоподобной информации. И вся моя задача будет заключаться в том, чтобы убедить его сказать нам настоящую правду. Не скрою, деньги у нас из-под носа увели весьма ловко. И я видимо начал терять форму, раз не предусмотрел подобное развитие событий. Однако мы с вами находимся в самом начале разыгрываемой партии. Теперь наш ход.

– Вы это серьёзно? – взглянула я на Красовского.

– Абсолютно, – кивнул он головой. – Я бы рад ошибиться, но все будет происходить именно в таком духе. Тем не менее, хочу сказать: не беспокойтесь! Я и мои ребята по отношению к вашему мужу будем предельно корректны.

И только тут до меня стала доходить истинная подоплёка развёрнутой передо мной перспективы. Если прав Константин Эдуардович, то получается, что Верницкий решил меня обмануть, и не просто обмануть... А я... Я даже не знаю, как это назвать! Это предательство! Это хуже предательства!

Нет, я не хочу в это верить! И я так и заявила Красовскому.

– Да я все понимаю, – виновато улыбнулся он. – И откровенно говоря, с удовольствием извинюсь перед вашим мужем в том случае, если окажусь не прав. Вы не продрогли? Может, потихоньку поедем вниз?

Едва он произнёс эти слова, как я ощутила, что действительно слегка подмёрзла и согласно кивнула головой. Тогда он помог мне подняться, и мы стали спускаться – потихоньку, с остановками, тщательно выбирая маршрут. Я совершила чудо! За все время спуска я упала всего четыре раза! Зато каждый раз на глазах Константина Эдуардовича. Ну почему я такая нескладёха?

Двойник уже давно покинул свой пост. Оказавшись, наконец, на ровной площадке у административного корпуса, я взглянула на часы и ахнула. Эпопея с передачей выкупа продолжалась почти полтора часа.

Отправляться куда-либо, на люди, у меня не было никакого желания. Красовский с пониманием отнёсся к моим отшельническим устремлениям и, проводив до дома, откланялся. Подозреваю, что вряд ли он отправился спать в гостиницу. Скорей всего, он развернул бурную деятельность по розыску похитителей. Но в этом я ему была не помощница. Хватило проявленного геройства в горах.

Первым делом я устроила себе горячую ванну, где, отлёживаясь после всех перипетий, заново прокрутила в памяти события последних дней. Интересный факт, сознание проделало эту операцию совершенно спокойно, как беспристрастный исследователь, словно все эмоции остались на горе. И то ли я перележала в ванне, то ли слишком долго думала, только, в конце концов, мной овладело философское отношение к ближайшему будущему, хорошо укладывающееся во фразу: «Как будет, так и будет».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.